

ВЛАДИМИР **V** ТОРИН
ТАНТАМАРЕСКА
АМАЛЪГАМА 2

Амальгама

Владимир Торин

Амальгама 2. Тантамареска

«СОЮЗ»

2017

Торин В. А.

Амальгама 2. Тантамареска / В. А. Торин — «СОЮЗ»,
2017 — (Амальгама)

ISBN 978-5-4444-8882-9

Таинственные венецианские зеркала, открывающие врата в неведомые миры и пространства, всемогущий Совет Десяти, вершащий судьбы мира в старинном Дворце дождей, сверхсекретные лаборатории под началом спецслужб соперничающих держав, масштабные эксперименты по проникновению в сновидения, загадочные гиперборейцы и неуловимый суперагент Глафира. С чем связана внезапная смерть русского императора Александра I, кто верховодит в сознании людей во время сна и почему святого Петра распяли вниз головой? Все это и многое другое ждет читателей в новом романе молодого талантливого прозаика Владимира Торина, ставшего известным благодаря его бестселлеру «Амальгама». Захватывающим продолжением удивительных приключений и невероятных событий, связанных с загадочными зеркалами, в новой книге станет история тантамарески.

ISBN 978-5-4444-8882-9

© Торин В. А., 2017

© СОЮЗ, 2017

Содержание

Глава I. Стрельба на автостраде	6
Глава II. Происшествие в парке	10
Глава III. Кто она такая?	16
Глава IV. Таинственная Гаэта	21
Глава V. Неземная девушка	27
Глава VI. Оперативное донесение	30
Глава VII. Спасение от неминуемой смерти	33
Глава VIII. Венецианская ночь	40
Глава IX. Эо	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Владимир Александрович Торин

Амальгама 2. Тантамареска

© Торин В.А., 2017
© ИП Воробьёв В.А.
© ООО ИД «СОЮЗ»

* * *

Среди размышлений о ночных видениях, когда сон находит на людей, объял меня ужас и трепет и потряс все кости мои. И прошел дух надо мною; дыбом встали волосы на мне. Он стал, – но я не распознал вида его, – только облик был перед глазами моими; тихое веяние, – и я слышу голос: человек праведнее ли Бога? и муж чище ли Творца своего?
Иов. 4:13–17

Петр же и бывшие с ним, отягчены были сном.
Лк. 9:32

*Я верю в ангелов,
Во всем, что меня окружает, я вижу хорошее.
Я верю в ангелов,
И когда я понимаю, что пробил мой час,
Я могу идти против течения – ведь у меня есть мечта!*

ABBA, I have a dream

Глава I. Стрельба на автостраде

Пули шелкнули по железной стойке путевого указателя, продырявили в двух местах белую надпись «Венеция» на зеленом фоне большого дорожного щита и звонко вынесли правое зеркало заднего вида, оставив пустой закругленную четырехугольную рамку, как бывает с очками, если вдруг из оправы выпадает стеклышко. Глафира, пригнувшись, постаралась слиться с пленником и с мотоциклом в единое целое и до отказа провернула рукоятку газа. Мотоцикл взревел, вздыбился и помчался вперед с удвоенной мощностью.

Выжать из мотоцикла максимум мешал пленник, которого девушка захватила в Гаэте. Сейчас он без сознания лежал поперек бензобака. Глафира прижимала его к мотоциклу коленями и иногда подправляла левой рукой, чтобы не сползал. Пленника терять было нельзя, его надо обязательно доставить сегодня ночью во Дворец дождей на заседание Совета Десяти, и это поручение лишало Глафиру свободы маневра.

Уцелевшее левое зеркало заднего вида безжалостно констатировало: черный джип, который она заметила еще во Флоренции, опять приближался. Из окна джипа показались угловатые очертания автомата Калашникова, из ствола полыхнуло ярким рыжим пламенем.

Теперь спасло то, что дорога резко нырнула вниз. Глафира почувствовала, как всего в нескольких сантиметрах над ее головой просвистела смертоносная очередь.

Глафира была одета в черный кожаный обтягивающий комбинезон, черные перчатки с раструбами, высокие черные кожаные ботинки, черный плащ. Плащ! Ну, конечно! Глафира замедлила сумасшедший бег мотоцикла, хладнокровно дождалась приближения джипа и, как только ствол Калашникова в очередной раз показался из окна, развязала тесемки, державшие плащ. Подхваченный встречным ветром, плащ широко распахнулся и залепил лобовое стекло машины преследователей.

Глафира опять вздыбила мотоцикл и на бешеной скорости понеслась по пустой автостраде, рассекая залитый ярким желтым цветом летний итальянский пейзаж, мгновенно уходя в точку за далекий подрагивающий горизонт. Преследователи вынуждены были остановиться: плащ плотно прилип к лобовому стеклу. Выскочивший из машины человек, судя по одеянию, монах, держал в одной руке совсем не подходивший ему по сану автомат Калашникова. На плечах монаха тоже был плащ – какого-то странного средневекового покроя, серого цвета и с большим белым крестом на спине. Крест оказался необычным: длинная вертикальная полоса и короткая поперечная, расположенная в самом низу, делали этот крест как будто перевернутым. Мужчина, чертыхаясь, сорвал плащ Глафиры (тот зацепился за дворники), бросил его на обочину и быстро прыгнул обратно в машину, громко хлопнув дверцей.

Взревел мотор, и джип опять пустился в погоню за юркой мотоциклисткой. Он нагнал свою жертву уже под самой Венецией. Расстояние между джипом и мотоциклом стало стремительно сокращаться.

Глафира видела преследователей в уцелевшее зеркало заднего вида и понимала, что в этот раз бой принимать все-таки придется. Она резким разворотом затормозила, оставив на блестящем асфальте автострады черный полукруг, поставила мотоцикл на подножку, поправила лежащего без сознания пленника. Потом спешила, достала из сумки пистолет, хладнокровно выпрямилась и сделала несколько шагов навстречу приближающемуся джипу.

Из окон машины высунулись несколько монахов, вооруженных автоматами. Глафира подняла пистолет и, стараясь не сбивать дыхание, аккуратно прицелилась в водителя.

Время, казалось, замерло в эти секунды. Залитая рассветным солнцем дорога, девушка с пистолетом, направленным на стремительно приближающийся к ней автомобиль, и трое автоматчиков, высунувшиеся из его окон, крепко сжавшие в руках оружие, чтобы было удобнее стрелять на ходу.

Откуда на дороге появился еще один персонаж, никто не заметил. Сгорбленный седой белобородый старичок в белой сутане, казалось, вообще не мог быстро передвигаться и ходил прихрамывая. Однако каким-то невероятным образом он оказался на линии огня, между девушкой и автомобилем.

В тот момент, когда стало понятно, что стрельба начнется прямо сейчас, а автомобиль неминуемо собьет белобородого старичка, тот поднял вверх руки и прокричал что-то в небо.

В полной тишине сверкнула яркая вспышка, заставившая всех зажмуриться.

Александр Павлович выждал несколько секунд и решительно открыл глаза. Он понял, что все дело – в неплотно прикрытой бархатной шторе. Яркая полоска света от утреннего солнца пробилась сквозь тяжелую портьеру и упала ему на лицо.

Он встал с кровати, отдернул штору и посмотрел в окно. Париж просыпался. Лениво катились повозки по улице Фобур-Сент-Оноре в сторону рынка, спешили по своим делам какие-то женщины с большими корзинами, стояли бивуаком русские гренадеры, греясь у костра, разожженного прямо на бульваре. Судя по тому, что все деревья на бульваре вид имели довольно куцый и жалкий, становилось понятно, откуда, собственно, солдаты брали дрова для костра. Где-то совсем недалеко, у парадного входа в Елисейский дворец, лениво препирались между собой караульные лейб-гвардии Казачьего полка – личного конвоя императора.

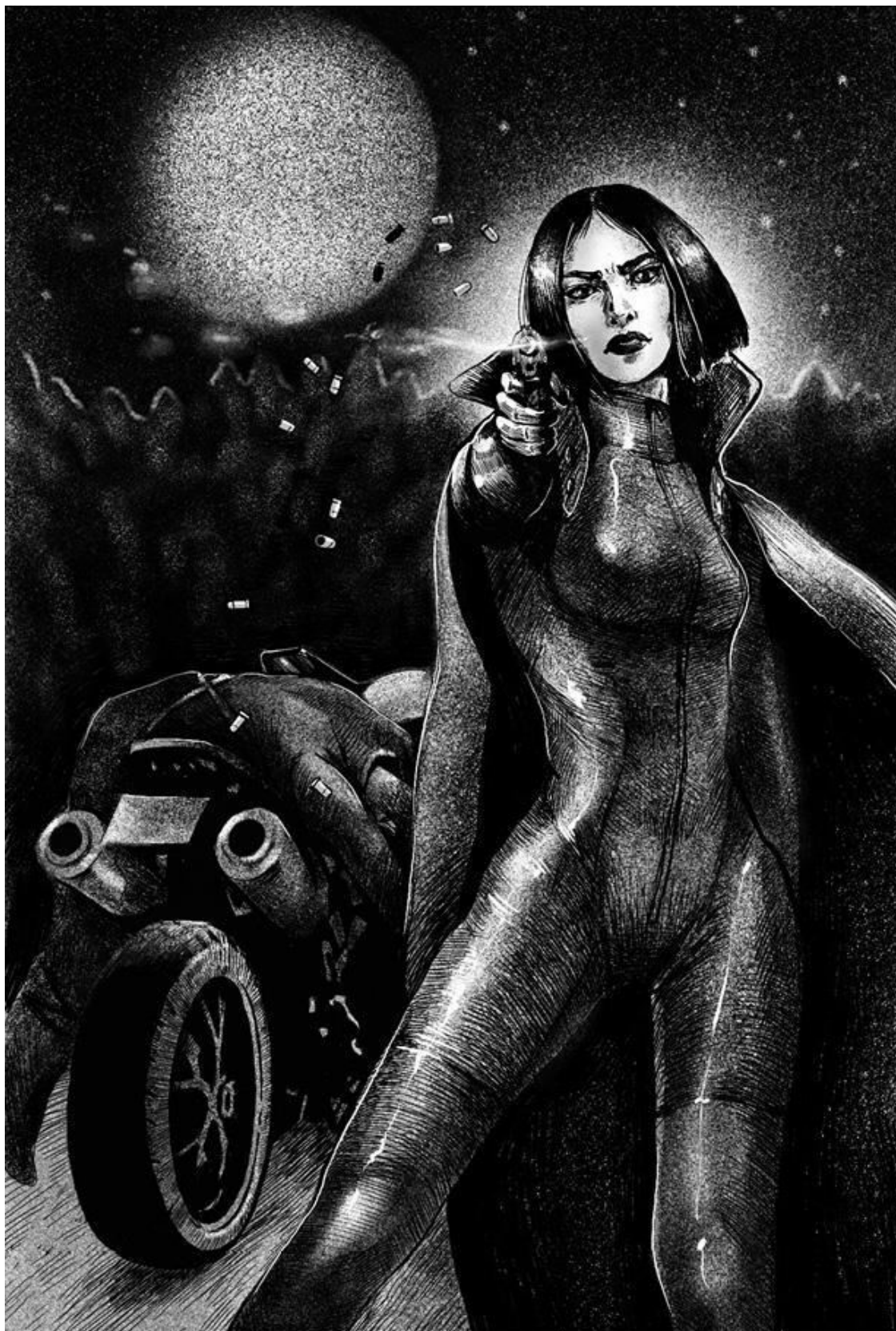
Собственно, мысль о том, чтобы русский корпус стал лагерем в самом центре Парижа, прямо на Елисейских полях, принадлежала Александру I. Справедливо посчитав, что только таким образом можно будет контролировать передвижение победителей по городу и пресечь возможное мародерство, он приказал разбивать бивуаки на основных бульварах, Елисейских Полях и площади Конкорд. Французы сначала боялись странных бородатых воинов, а потом привыкли, и Париж зажил обычной жизнью.

Особый успех у парижанок имели казаки, купавшие своих коней в Сене. Загорелые мускулистые воины направлялись к гранитной набережной так же, как они привыкли это делать у себя на Дону – в исподнем или вообще голышом. Парижские дамы обычно собирались на другом берегу и, демонстративно зажимая нос, внимательно следили за мельканием голых спин в темной воде. Все спуски к Сене были организованы таким образом, чтобы туда спокойно можно было подъехать на лошади. Казакам это нравилось. Дамам тоже.

Бывали и курьезы. Например, когда казачий атаман Платов увидел на бульваре маленькую миловидную девочку. Стоило ему взять ее на руки и открыть рот, чтобы сказать о своем восхищении этим чудным созданием, как рядом упала в обморок мать девочки. Она была уверена, что мсье cosaque собирается девочку съесть. Граф Матвей Платов смущенно закрыл рот и поставил ребенка на землю под дружный хохот боевых товарищей. С этой дамой казачий атаман впоследствии познакомился весьма близко, и она уверяла, что ничего такого в тот момент на бульваре и не думала, но, тем не менее, исторический анекдот оказался «отлит в бронзе» на долгие века. Дама несколько лет не без удовольствия общалась с Платовым, говоря, что тот был послан ей Богом и она неоднократно ранее видела его во сне.

Во сне.

Александр I отошел от окна, посмотрел на смятую постель и вспомнил свой странный сон. Очень странный. Какие-то вспышки, белый старик, какая-то девушка в черном, нескромно обтягивающем ее фигуру одеянии. К чему бы все это?

Сон вспоминался плохо. Кроме девушки, в памяти остался отчетливый образ сгорбленного старика в белом одеянии и с белой же бородой. Александр вдруг подумал, что уже, кажется, видел в каком-то своем сне именно этого старика, и на душе стало тревожно. Потом

где-то в подсознании выплыло имя: «Серафим». Что за Серафим, почему «Серафим»? Александр не знал.

Вообще в последнее время российский император стал хуже спать, его часто мучили ночные кошмары. Что удивительно, чем более победоносной получалась война для России, чем успешнее выглядели дела, тем печальнее становился государь, тем чаще посещали его странные сны и мысли. Александр стал часто сомневаться в правильности собственных решений, а сейчас, к марту 1814 года, он уже был готов рассуждать о том, чтобы оставить трон и совсем удалиться из мирской жизни. Александр, выиграв одну из самых кровопролитных войн в истории человечества, вдруг стал много думать о бренности бытия, о том, что самые ясные и правильные мысли на поверку неожиданно оказываются туманными измышлениями, а самые страшные злодеяния неожиданно продиктованы настолько гуманными и человеколюбивыми мотивами, что просто диву даешься.

Александр I перепробовал все. Молодой, красивый российский император был одновременно либералом и консерватором, освободителем и жандармом, остроумным философом и мрачным реакционером, гением и злодеем. В его странной, сумбурной жизни, полной самых разгромных поражений и великолепных блистательных побед, смешались воедино, казалось, самые несмешиваемые понятия.

И вот теперь, покорив Париж, поселившись в лучших комнатах Елисейского дворца и разместив косматых российских казаков на площади Конкорд, Александр стал часто думать о бренности бытия, человеческом сознании и вере. Воспоминание о стройной девушке в блестящем черном одеянии не покидало императора. Девушка решительно стояла посреди пустынной дороги, ее волосы развевались на ветру, а прямо на нее мчалась странная огромная черная повозка.

Глава II. Происшествие в парке

– Итак, сегодня мы с вами поговорим о снах. Сон! Что может быть проще и в то же время загадочнее? Мы сталкиваемся с ним каждый день, а если быть точнее, каждую ночь, а наука до сих пор не может ответить на все вопросы, возникающие при рассмотрении этого удивительного физиологического процесса. – Лектор окинул взглядом аудиторию и, довольный тем, что вступительные слова заинтересовали потенциальных слушателей, продолжил: – Что происходит с нашим мозгом да и собственно с нами, когда мы спим? Что за странная прихоть природы и что за странные обрывки визуальных образов остаются в нашей памяти, когда мы пробуждаемся? Откуда они взялись, если организм отдыхал, а мозг был как будто «выключен»?

На этом месте говоривший поднял вверх указательный палец правой руки. Случайные слушатели, оказавшиеся теплым летним вечером на скамейках лектория в парке Горького, начали заинтересованно этот палец разглядывать.

Московский парк культуры и отдыха имени Горького, возродившийся как птица феникс из постсоциалистического забвения, в это сумеречное летнее время был заполнен разнообразным народом. Гоняли на досках и роликах поджарые, загорелые юноши и девушки, бренчали на гитарах, рассевшись на газонах, лохматые джинсовые персонажи, катались на велосипедах романтического вида мужчины и одинокие женщины средних лет, гуляли какие-то студенты и студентки в нарядных одеждах. На небольшой лужайке группа пенсионеров играла в петанк, а рядом азартно рубились в настольный теннис обнаженные по пояс подростки. Вдоль центральной аллеи стояли тантамарески – изображения различных персонажей с вырезанным отверстием вместо лица; любой желающий мог сфотографироваться, запечатлев внутри забавного рисунка лицо собственную.

Скамейки лектория заполнила публика пестрая и неоднородная. Вопросы, волнующие одних, совершенно не трогали других. Тем не менее история про сны показалась интересной людям очень разным: и старушке в ярком фиолетовом берете с малиновым пером, и средних лет мужчине с потертым портфелем под мышкой, и растаманского вида небритому детине в джинсовой куртке, и стройной девушке с двумя длинными косами, затянутыми так туго, что казалось, еще немного, и глаза несчастной выскочат из орбит. Но, кажется, более всех эта история заинтересовала рыжеватого юношу в мятой клетчатой рубашке и засаленных джинсах. Юноша, прежде неподвижно сидевший на деревянном кубе у негустых зарослей кустарника, обозначавших границу лектория, вдруг встрепенулся и вскинул голову. Глаза у него оказались воспаленные, красные, а весь вид этого парня был больным и измученным.

Лектор, отметив про себя интерес к заявленной теме, начал говорить тихо, заставляя людей вслушиваться в каждое слово, чтобы полностью завладеть вниманием аудитории.

– Давайте обратимся к каноническому определению. Что такое сон? Это, согласно медицинскому определению, естественный физиологический процесс, когда человек пребывает в удивительном состоянии минимального уровня мозговой деятельности. В этом состоянии отсутствует какая-либо реакция на окружающий мир, полностью расслаблены мышцы тела, а единственное, что в мозгу в этот момент происходит активного и, кстати, так и не познанного до сегодняшнего дня, – это сновидения.

Старушка в берете, небритый детина и девушка с рассеченной пробором головой глядели на сцену с явным интересом. А рыжий парень своими воспаленными глазами просто впился в говорившего, ловя каждое слово.

Пожилой лектор поправил мудрено зачесанные со лба на макушку длинные седые волосы в расчете как-то спрятать блестящую лысину. Звали преподавателя Сергей Васильевич Платонов. Было заметно, что такое внимание к лекции ему льстит.

– Возможно, я вас сейчас удивлю, но это абсолютная правда, подкрепленная многочисленными исследованиями. Если средний возраст человека принять за 70 лет, то из них человек спит более 23! – Сергей Васильевич победоносно оглядел притихшую публику. – А вот уже из этих двадцати трех целых восемь лет человек видит сны. Вы только представьте себе, восемь лет непрерывных сновидений!

Детина растаманского вида удивленно присвистнул.

– Так это ж прям полжизни! – Почему-то возмутилась старушка в берете.

– Да-да! Восемь лет непрерывных сновидений! – Не унимался лектор. – С одной стороны, восемь лет какого-то очень важного процесса, а с другой стороны, никто не понимает, зачем это нужно! – И он опять поднял вверх указательный палец.

– Так ведь, чтобы организм отдохнул, – неуверенно сказала девушка с косичками.

– История про отдых организма – это наша с вами попытка хоть как-то объяснить совершенно не объяснимое с научной точки зрения явление. Приведу простой пример. Один человек весь день совершал тяжелую физическую работу, ну, к примеру, копал лопатой яму. С утра до поздней ночи. Другой человек принципиально ничего не делал. Лежал, предположим, на диване и в экспериментальных, так сказать, целях не шевелил ни рукой, ни ногой. – На этих словах детина в джинсовой куртке улыбнулся. По-видимому, он с огромным удовольствием поучаствовал бы в таком эксперименте. Исключительно в научных целях. Впрочем, он, возможно, каждый день так и делал. Сергей Васильевич невозмутимо продолжал: – Казалось бы, к вечеру организм первого человека, его мускулы, органы, требуют немедленного отдыха, так как не расслаблялись весь день. Мускулы и органы второго человека совершенно не устали, и никакого отдыха им не нужно. Однако оба этих человека заснут примерно в одно и то же время и, что еще более удивительно, примерно в одно и то же время проснутся! Почему они хотят спать: и тот, который работал, и тот, который вообще ничего не делал? И, что важно, если им обоим будет, например, запрещено спать, через сутки они будут чувствовать себя одинаково плохо! И тот, который работал, и тот, который не работал! Вопрос именно в этом: почему мы засыпаем каждый день, а если не поспим хотя бы шесть-семь часов в сутки, чувствуем себя совершенно разбитыми? Почему?

– Да, почему? – возмущенно спросила старушка.

– Именно вот этого ответа ни у меня, ни у современных ученых нет.

Слушатели недовольно загудели. Им стало обидно за современных ученых, которые не могут ответить на такой простой вопрос. На парк надвигались теплые розовые летние сумерки. Включилась разноцветная подсветка у центрального фонтана, аллеи заметно опустели.

– Природа ничего не делает случайно, и любая функция организма для чего-то нужна, – увлеченно продолжил лектор. – Давайте попробуем вместе во всем этом разобраться. На протяжении всей истории человечества люди отмечали какую-то необычную природу сна. Большинство религиозных текстов, включая Библию, рассматривают образные сны как отправную точку пророчества и мистического опыта. Такие термины, как, например, «нирвана» или «дэо», в восточных религиях наглядно демонстрируют, что большинство культур знакомы с идеей измененного состояния сознания, приходящего к человеку через сон.

В этом месте рыжий вихрастый парень пододвинулся поближе к сцене.

Сергей Васильевич заметил это и продолжил рассказ, чаще обращаясь к этому странному рыжему с воспаленными глазами:

– Раньше люди верили, что когда во время сна засыпает сознание, то человек в буквальном смысле слова вступает в другой мир и встречается там с его жителями. Корни этого многовекового поверья в той или иной степени обнаруживаются во всех религиях. Суть этой концепции состоит в том, что душа спящего человека входит в контакт с обитателями астрала, которые не нуждаются в материальном воплощении.

– А что, если обитатели астрала не входят в контакт, а просто-напросто уже давно живут в человеке, проявляя себя именно во сне? – раздался чей-то резкий и звонкий голос.

Слушатели лекции даже не сразу разобрались, что голос принадлежит рыжему парню в клетчатой рубашке. На пьяного парень не походил. Но вел себя как-то странно.

Сергей Васильевич постарался быть максимально вежливым:

– Что вы имеете в виду, молодой человек?

– Я имею в виду, что человеком в биологическом смысле завладевает совершенно другая сила и он начинает жить чужой жизнью. На наше счастье, мы почти ничего не помним из происходившего. Ну как, например, с Лао-Цзы было! – Парень был чем-то взбудоражен, но хулиганить или срывать лекцию не собирался. Поняв это, два крепких охранника в костюмах песочного цвета, наблюдающие за порядком в парке, неспешно двинулись по аллее, оставив лекторий за спиной.

– Давайте для начала, молодой человек, расскажем нашим с вами коллегам, – на этих словах Сергей Васильевич широко развел руки в стороны, приглашая в «коллеги» и старушку, и детину, и девушку с косичками, и вообще всех, кто сегодня оказался на лекции, – давайте расскажем нашим коллегам, кто такой Лао-Цзы и что за сон с ним связан.

Паренька вопрос ничуть не смутил:

– Ну, это основная догма даосизма. Очень известная история. Дело в том...

– Дело в том, что знаменитый восточный мудрец Лао-Цзы, живший в далеком шестом веке до нашей эры на территории современного Китая действительно видел однажды странный сон. Это тот случай, когда сон запомнился. А потом, после пробуждения, был подвергнут анализу. И благодаря этому, можно сказать, возникла одна из мировых религий под названием даосизм. – Сергей Васильевич понял, что необходимо перехватить инициативу у рыжеватого паренька и самому рассказать интересную историю о Лао-Цзы. – Так вот, дорогие друзья, вы не поверите, сон был самым обыкновенным и вовсе не необычным!

– Так уж и не необычным, – возразил детина в джинсовой куртке. – Чего ж тогда про него помнят уже две с половиной тысячи лет-то?

– Дело не во сне, а в его анализе, – сказал Сергей Васильевич, внимательно поглядывая на рыжего: не отчебучит ли чего? – Лао-Цзы прилег после обеда вздремнуть на прекрасном лугу под зеленым раскидистым деревом. Он дремал, а рядом с ним порхала крупная бабочка с красивыми крыльями. В какой-то момент Лао-Цзы понял, что видит себя со стороны, спящим под деревом на прекрасном лугу. И смотрит на себя глазами бабочки, летающей вокруг мудреца. А потом проснулся и подумал: «Какой замечательный сон». А спустя некоторое время пришла другая мысль: «А уверен ли я в том, что это был МОЙ сон?» Иными словами, может быть, я, Лао-Цзы, на самом деле, бабочка? Просто мне прямо сейчас приснилось, что я – Лао-Цзы, мудрец и философ. А на самом деле я – бабочка, летающая вокруг Лао-Цзы? И откуда мне знать, какое из этих двух утверждений более правдиво? То, что я – бабочка, или то, что я – Лао-Цзы? Какая из реальностей более реальна? И кто судья в этих реальностях, кто знает истину?

Сергей Васильевич замолчал. Наступила тишина. История про Лао-Цзы заинтриговала всех. Слушатели внимательно смотрели на лектора и ждали продолжения. Не ждал продолжения только рыжий в клетчатой рубашке парень:

– Ну, здесь же все совершенно очевидно. И даосизм здесь ни при чем. В его сон вошла иная сущность! – Рыжий сделал движение руками вперед, пытаясь показать, как просто может иная сущность войти в любого человека. В этот момент многие увидели на запястье его левой руки странные электронные часы. Две крупные цифры, две поменьше и две совсем маленькие, видимо, обозначающие секунды. Секунды бежали быстро и размеренно, изредка перешелкивая цифры покрупнее, которые обозначали минуты. И отсчет этот шел не вперед, а назад, стремясь к какому-то абсолютному нулю.

Старушка возмущенно повернулась к парню, и перо на ее берете задрожало с благородным негодованием:

– Молодой человек, перестаньте хулиганить!

– Ну почему же? Давайте выслушаем теорию товарища. – Сергей Васильевич благосклонно сложил руки на груди.

Парень вскочил и, повернувшись к зрителям, затараторил, проглатывая слова:

– Конечно, вам может показаться все это бредом собачьим, но это не бред. Уж я-то знаю! Есть такая компьютерная программа. «Тим вьюер» называется. Так называемый «удаленный помощник». Это любой программист вам скажет, если мне не верите. – Парень помолчал, подбирая слова, чтобы они были понятны всем собравшимся. – Такой удаленный помощник позволяет входить в ваш компьютер с другого компьютера. Ну, представляете, ваш компьютер, там иконки всякие висят, программы. А пользоваться этим всем у вас не получается. Вы как будто в оцепенении каком-то находитесь. Просто смотрите на экран своего компьютера и все. А кто-то наоборот, очень даже уверенно двигает вместо вас мышкой, что-то включает, что-то выключает. А вы ничего поделать с этим не можете. Более того, когда удаленный помощник исчезнет из вашего компьютера, вы не сможете вспомнить, а что, собственно, у вас на экране происходило. Так, помните какие-то особенно яркие вспышки или почему-то запомнившиеся какие-то доли секунды, которые никогда не получается уложить в единую картину. Вот это и есть сон.

Собравшиеся в лектории зашумели. Сергей Васильевич покровительственно прихлопывал этот шум ладонью правой руки:

– Дорогие друзья, спокойнее. Каждый может иметь свой взгляд на сон и на то, каким образом он появляется. У каждого человека, наверное, есть собственные интересные наблюдения, касающиеся сна...

– Да как вы не понимаете, я сам делал эту программу! В любой сон могут войти. И в ваш, и в ваш, и в ваш! – Парень указал дрожащим пальцем по очереди на детину, старушку и на лектора.

– Ну и кто же эти загадочные товарищи, которые в любой сон могут войти? – насмешливо произнес Сергей Васильевич.

– А я вам скажу. Я скажу! – Лицо рыжего парня покраснело, и голос его захрипел. – Я скажу вам. Просто времени уже совсем мало осталось. Совсем уже нет времени! – Парень взглянул на свои странные часы с убывающими секундами. – Я просто не понимал, куда идти. Идти с этим некуда, понимаете? Ну, давайте, вам расскажу. Так, наверное, правильно. Пусть как можно больше людей знает!

– Что же такое должны узнать как можно больше людей? – Лектор продолжал благосклонно улыбаться.

– Слушай, что ты здесь умничаешь?.. – Двинулся в сторону рыжего небритый детина в джинсовой куртке. И зря. Зря он так резко поднялся. Потому что в ту же секунду на лбу его будто раскрылся диковинный цветок. В разные стороны от центра этого цветка в середине лба потекли струйки крови. Громко закричала старушка в берете с пером. Детина с грохотом повалился на деревянные ступени лектория.

И все увидели, что с другой стороны кустарника стоит невысокий мужчина с холодным взглядом, сжимающий в руке пистолет. Несомненно, мужчина целил именно в рыжего паренька, но случайно подвернувшийся детина в джинсовой куртке нарушил его планы, и пуля вошла тому в затылок.

Все, кто это увидел, закричали и бросились врассыпную. Раскрасневшийся было рыжеватый парень побледнел и рванул к оградке, обозначающей край лектория. Не успел он броситься за эту заросшую оградку, как по железной калитке отчетливо чиркнули несколько пуль.

Человек с холодным взглядом, стреляя, вытянув вперед руку с пистолетом, быстро шел в сторону скрывшегося паренька, не замечая мечущихся по лекторию людей.

Рыжий парень оказался не так прост. Перекатившись несколько раз по земле, он вскочил на ноги и, петляя, помчался по центральной аллее к выходу. Его преследователь побежал за ним, размахивая пистолетом. Случайных прохожих, оказавшихся на пути, мужчина с холодным взглядом расшвыривал в разные стороны, не обращая внимания на их недовольство. Парень в клетчатой рубашке достаточно ловко и не теряя темпа лавировал между посетителями парка. Впрочем, делал он это совершенно напрасно, потому что уже через несколько секунд человек, возле которого лавировали, все равно оказывался сбит с ног и отброшен в сторону безжалостным преследователем рыжего паренька. Многие, завидев эту бешеную погоню и то, что в руках у одного из бегущих – пистолет, сами старались посторониться и отойти, насколько это возможно, дальше от места развития событий. Но отойти так, чтобы можно было посмотреть на то, чем все это закончится. Но издалека. Любопытство человеческое неискоренимо.

Вдруг от фонтана в сторону бегущих метнулась еще одна фигура. Это был огромный мужчина в легкой модной кожаной куртке. В руках у него оказался точно такой же пистолет, как у преследователя парня в клетчатой рубашке. Он вскинул руку и пару раз нажал на спусковой крючок. Стрелял он явно в преследуемого парня, но тоже не попал. Лишь две массивные цветочные вазы позади бегущего взорвались осколками гипса, кусками черной земли и разодранных в клочья цветов.

Рыжий увидел второго преследователя и, круто изменив маршрут, бросился, огибая фонтан, к центральному выходу из парка.

Тогда появился и третий преследователь. Он стоял как раз рядом с центральным выходом, у небольшого павильона, и равнодушно ел эскимо. Бросив эскимо на раскаленный асфальт, он выхватил из глубин просторного пиджака маленький автомат с узким длинным магазином. Направив автомат на рыжего парня, любитель эскимо быстро пошел ему навстречу.

Бегущие уже приближались к массивным сталинским колоннам, когда прямо у них на пути возникла худенькая черноволосая девушка. Одета она была несколько странно для жаркого московского лета – глухой черный комбинезон, застегнутый под горло на молнию и похожий на мотоциклетный. Комбинезон плотно обтягивал изящную фигуру, и вполне можно было подумать, что девушка только что выступала с номером на подтанцовке у Леонида Агутина, чей концерт закончился двадцать минут назад в Зеленом театре.

Парень пронесся мимо девушки, взяв чуть правее и даже подняв руки, чтобы не зацепить ее на своей бешеной скорости. Преследователь, напротив, неся прямо на девушку и протянул вперед руку, чтобы привычным движением отшвырнуть в сторону неожиданно возникшее препятствие. Но девушка вдруг поднырнула под его руку и оказалась прямо перед мужчиной, сбив его дыхание и заставив остановиться.

Мужчина не растерялся и направил пистолет девушке прямо в лоб.

И тут случилось невероятное. Маленькая стройная девушка вдруг в несколько быстрых движений взбежала на большого мужчину, как обезьянки взбираются на дерево. Молниеносно оказалась у него на плечах, ловко обхватила его голову и резко крутанула ее вправо-вверх. В тишине замершего парка раздался глухой хруст. Преследователь рыжего паренька рухнул, как подкошенный, даже не успев выронить пистолет. Девушка грациозно соскочила на землю в момент падения бездыханного тела и сделала несколько шагов в сторону второго преследователя. Тот уже приближался к ней, замахиваясь зажатой в руке пистолетом. Очевидно, верзила решил не стрелять, а просто сбить с ног это странное недоразумение, мешающее ему преследовать рыжего парня в клетчатой рубашке.

Но тут девушка высоко подпрыгнула, развернулась в воздухе и с разворота ударила каблуком своего черного кожаного ботинка прямо в челюсть огромному мужчине. Страшный хруст раздался вторично, и второй преследователь, отлетев на несколько метров с прогулочной

дорожки, упал, ломая кусты аллеи. Упав, он тоже замер и уже не подавал никаких признаков жизни. Девушка приземлилась так же мягко и грациозно, как в первый раз, и быстро обернулась к третьему преследователю, сжимавшему в руках автомат.

Но третий решил не испытывать судьбу и уверенно нажал на спусковой крючок. Пули прочертили линию водяных всплесков в главном фонтане парка, а девушка высоко подпрыгнула и, описав в воздухе невероятный пируэт, обрушила на голову стрелявшего молниеносный удар все того же высокого каблука. Человек мгновенно рухнул лицом вниз, широко раскинув руки.

Девушка обернулась к колоннам. Рыжий стоял в десяти шагах. Он был совершенно ошарашен и смотрел на происходящее широко раскрытыми глазами.

– Беги за мной, – сказала маленькая девушка, взяла парня за руку, и они понеслись дальше уже вместе, за колонны, мимо забитой машинами парковки к остановке общественного транспорта, где лениво переминался с ноги на ногу неторопливый московский таксист, медленно поправляя на боковом стекле картонку с корявой надписью черным фломастером: «свободен».

Парк шумно выдохнул и ожесточенно забубнил, активно обсуждая происшествие.

Такси рвануло с места, и парень с девушкой исчезли в потоке Садового кольца.

Мальчик лет десяти подъехал на самокате поближе к лежащему на асфальте человеку и с интересом стал разглядывать автомат «Узи», крепко сжатый в сведенных смертельной судорогой пальцах.

Глава III. Кто она такая?

– Слушай, что за странная история? Кто его охраняет? Что вообще это за девка в черном комбинезоне? Кто она такая? Откуда она взялась? – Седой, но вполне крепкий коренастый человек в сером костюме остановился у окна и заложил руки за спину. За окном шумела Лубянская площадь, многочисленные посетители штурмовали открывшийся после долгой реконструкции «Детский мир».

– Товарищ генерал, работаем над этим вопросом. Машину уже нашли, – ответил некто, чей силуэт, затерявшийся среди многочисленных стульев с высокими спинками в глубинах полутемного кабинета, был едва заметен.

– Смирнов, ты меня не лечи. Машину они нашли. Я правильно понял, что Коломийцеву свернула шею девочка из парка? Одна?

– Так точно, товарищ генерал. Одна.

– Коломийцеву?

– Коломийцеву. – Подполковник Смирнов отвечал коротко и как можно четче, так как отлично знал характер своего шефа. Генерала Валерия Константиновича Верхотурова по прозвищу Дед, собственно, знала и уважала вся контора. Поэтому, когда Дед был не в духе, нужно было говорить мало, точно, желательно только по делу и, конечно, «не умничать».

– О семье позаботились?

– Да, конечно, Валерий, Константинович. Там выплата компенсации, квартира, опять же, в Мневниках – все решили с ипотекой. Жена, дочке 12 лет, обо всех позаботились... – Подполковник Смирнов вжал голову в плечи, понимая, что сказал слишком много и за эту разговорчивость теперь обязательно придется поплатиться. И точно.

– Вы? Вы позаботились? Смирнов, скажи мне, ты дебил или нет? Вот ответ мне, дебил или нет? Только честно! – Это был вопрос-ловушка. Любой ответ на этот вопрос был неправильным и только распалял вышедшего из себя Деда, поэтому Смирнов обреченно молчал, мысленно проклиная себя за излишнюю говорливость. – Молчишь? А я вот знаю, кто ты. Ты, Смирнов, не дебил! Ты – уже потонувшая в говне скотина, зажавшаяся и тупая! Ты – урод, позорящий наши органы! Ты – осел, напяливший на себя форму офицера КГБ! Почему я должен работать с дебилами? – взвыл Верхотуров, мгновенно забыв, что Смирнов – не дебил, а «зажавшаяся и тупая скотина». – Отвечай, что со вторым?

– Там, в донесении есть, – начал было подполковник.

Но Дед прервал его резким окриком:

– Отвечай, что со вторым!

– Капитан Новак. Там тоже нехорошо. Сломаны челюсть и нос. Срочно нужна операция. Но жить будет.

– Ты ничего не путаешь? Она челюсть сломала именно Новаку?

– Так точно.

– Девчонка? Новаку? Он же чемпион мира по боксу.

– Так точно.

– Что «так точно»?

– Девчонка. Чемпиону мира по боксу капитану Новаку. Сломала челюсть и нос.

– Ты сам понимаешь, что говоришь?

– Так точно!

– Какой же ты дебил! Что с третьим?

– Майор Лиходей. Сильное сотрясение мозга, частичное отключение памяти. Жить будет.

– Это же Лиходей, твой бывший олимпийский чемпион по дзюдо?

– Так точно, товарищ генерал.

– Смирнов, ты знаешь, что ты debil? Чего ты молчишь? Вот тебе самому не стыдно, что один хороший парень погиб, а двое других на всю жизнь инвалидами стали? Из-за тебя, между прочим, из-за тебя, дегенерата! Вот ты сам чувствуешь, что ты debil? – обратился на подчиненного разгоряченное лицо генерал ФСБ.

На дворе времена стояли трудные, на улицу никому не хотелось, поэтому генерал не стеснялся в выражениях – подчиненные терпели. Впрочем, пусть очень обидно и зачастую излишне, но на такие словесные эскапады у Верхотурова, как правило, были причины. И сегодня в словах Верхотурова тоже была правда. Генерал был неправ по форме, но прав по смыслу: Смирнову следовало не лениться и лично проконтролировать, чтобы на выполнение «ноль-первого» приказа, а именно: «Высокая террористическая угроза. Немедленно обезвредить, живым или мертвым», вышел весь спецвзвод, а не только трое его лучших представителей. Конечно, кто мог подумать, во что может обратиться охота на совершенно безобидного парня-доходягу? Ну и ребятам, честно говоря, хотелось по награде высокой получить. Очевидно же, когда вопрос ставится вот так: «Обезвредить живым или мертвым», ясно же, что обязательно наградят. Трех обязательно. А весь взвод – конечно, нет. Да и, чего греха таить, конечно, знал Смирнов и этот расклад про награды. Но и он, Смирнов, тоже не верил, что охота на этого несчастного парня может привести к такому катастрофическому исходу. Один «двухсотый», два тяжелых «трехсотых», и это – в лучшем, элитарном подразделении ФСБ. И как? Это же совсем позорище! Какая-то смазливая девушка лет двадцати, пигалица мелкая, за несколько секунд «вырубает» трех лучших в стране бойцов! Один из которых, на минуточку, чемпион мира по боксу в супертяжелом весе, другой – краповый берет, а третий – олимпийский чемпион по дзюдо!

– Дальше рассказывай. Что еще?

– Еще пресса. – Смирнов стал совсем краток и тих.

– А что пресса? Что пишут? – Тон генерала несколько смягчился.

– Много пишут, товарищ генерал. Я подборочку подготовил. Ну, про случай в парке...

– Как же так получилось? Может, там кто-нибудь этой девочке как-то из кустов помогал? – Генерал сделал неопределенное движение руками.

– Никак нет. Сама. Она очень хорошо подготовлена.

– Она сама... А ты сам... Ты сам-то понимаешь, что говоришь? – Генерал, ругаясь уже больше по инерции, решительно шагнул в полумрак кабинета, и тень Смирнова на стене, украшенной модной в семидесятые годы двадцатого века панелью из карельской березы, немножко съезжилась. – Сам-то ты понимаешь? Это значит, что наши лучшие люди подготовлены хуже какой-то девчонки из парка? Вы вообще, что ли, всем управлением работать разучились? Почему до сих пор личность ее не установлена?

– Товарищ генерал, она действительно очень хорошо подготовлена и заслана к нам извне. Поэтому в базах и отсутствует.

– Ты думаешь, это они нам ее заслали? Вы хотя бы разобрались, где они базируются?

– Так точно, товарищ генерал, это выяснили. Оперативное донесение у вас на столе. Город Гаэта, это в Италии. Там у них военно-морская база НАТО. Собственно, там все и делается.

– Донесение... Тоже какой-то бред, если честно. – Верхотуров наморщил лоб. – А это правда, что этот итальянский герой, как его... Гарибальди, правда, что ли, что этот Гарибальди бывал в нашем Таганроге?

– Так точно. В 1833 году, – аккуратно ответил Смирнов.

– Давай попробуем еще раз разобраться. Наши умники научились как-то проникать в сон конкретных людей и заставлять их что-то во сне делать. Так? Американские умники тоже лаптем щи не хлебают и тоже давно умели это делать...

– Не совсем так, – аккуратно вставил Смирнов. – Это умели делать много лет назад высшие иерархи испанской и итальянской инквизиции. Это было древнее знание католической церкви. Тот же Гарибальди – один из удачных опытов по применению этого знания. Держалось все это в строжайшей тайне, пока американцы не добились, чтобы им открыли доступ к этим секретам. Теперь опыты проводят уже американцы.

– Ну хорошо, предположим. Наши тоже кое-что там нарыли в этой области, и помогал это «нарывать» какой-то юный паренек. Потом паренек тронулся умом и сбежал, но мы его быстро обнаружили и, несмотря на приказ «немедленно ликвидировать», сделать этого не смогли, так как он постоянно держался в многолюдных местах. Так? – Смирнов кивнул. – Потом мы получили приказ на его ликвидацию вне зависимости от места ввиду «высочайшего уровня террористической угрозы». И вот тут-то вы и лоханулись.

– Товарищ генерал, никто не мог предположить появления этой странной девушки...

– Вы приступаете к ликвидации опасного террориста, и вдруг приходит какая-то девочка, которая ломает нос чемпиону мира по боксу, лучшему нашему рукопашнику сворачивает шею, а олимпийского чемпиона по дзюдо просто укладывает на землю ударом в голову! И вы до сих пор не можете понять, что это за девочка, на кого она работает, откуда она взялась? Я правильно все излагаю?

– Кое-что у нас есть, Валерий Константинович. – Смирнов решительно шагнул вперед. – Мы «накопали» кое-что про эту девушку. Появились зацепки, но они несколько странные. – Подполковник Смирнов как бы замешкался, раздумывая, стоит ли говорить о «несколько странных зацепках». Этим приемом подполковник Смирнов владел в совершенстве, почему, собственно, и прожил такую долгую жизнь в Главном Здании.

Верхотуров перестал ругаться, быстрым деловым шагом направился к массивному дубовому столу, сел за него и посмотрел на Смирнова уже по-другому, по-доброму, и похлопал ладонями по почерневшей от времени дубовой панели.

– Эх, вот какие столы раньше делали! Видишь, какой стол, Смирнов? Никогда ни на какой другой не сменяю! Знаешь, кто за этим столом трудился?

– Так вы же рассказывали. Генерал Цвигун.

– Да... Семен Кузьмич... Удивительный был человек... – Седой генерал посмотрел задумчиво куда-то в глубь кабинета. Кабинет действительно был «намоленный». Многие известные люди перебивали в нем с тех пор, как страшный революционный вихрь вынес из этих помещений тихое страховое общество «Россия», а занес на много лет зловещую Чрезвычайную Комиссию. И никто бы уже никогда не узнал этих известных людей всего через несколько суток допросов. Генерал Верхотуров помнил это здание еще в те времена, когда в его просторных подвалах располагалась тюрьма. Страшная тюрьма, из которой мало кто выходил живым. Потом молодой чекист Верхотуров служил в Туле, в Горьком, в Новосибирске, в Узбекистане и вот – надо же! – вернулся под пенсию обратно в Москву. Вернулся и не узнал родного Главного Здания. Сейчас его подвалы стали совсем не страшными, в них провели ремонт, одно крыло заняла большая столовая, находящаяся прямо под улицей Большая Лубянка, а другое крыло заселили сонмищем каких-то очкастых компьютерщиков. Из-за этих очкариков, собственно, и было непропорционально расширено Восьмое Главное управление, исторически занимавшееся прослушкой и всякими техническими нововведениями.

Вообще дело, из-за которого Верхотуров сегодня нервничал, было целиком зоной ответственности Восьмого Главного управления. Эти очкарики создавали там какой-то суперкомпьютер, способный проникать в сны. У них сбежал вольнонаемный компьютерщик, рыжий, молодой и глупый. Людям Верхотурова всего-то нужно было лишь найти и обезвредить этого человека. И надо же такому случиться, чтобы очевидный прокол соседей вдруг заслонила откровенная неудача самого Верхотурова, провалившего операцию задержания и вдобавок потерявшего троих лучших сотрудников!

Верхотуров многочисленных компьютерщиков не любил, ворчал, но понимал, что без них сегодня никак. Но свой личный компьютер – огромный «макинтош», непривычно размещившийся на древнем столе, когда-то принадлежавшем легендарному генералу КГБ Семену Цвигуну, Верхотуров никогда не включал, а при принятии решений ориентировался исключительно на свое чутье и совершенно уникальный служебный нюх. Генерал задумчиво погладил шершавую поверхность стола и по-деловому скомандовал:

– Ну, давай выкладывай, что там у тебя за зацепки.

Смирнов открыл папку, которую давно уже вертел в руках и которую справедливо считал спасением от неминуемого сегодняшнего нагоняя. Конечно, такой прыти от какой-то молоденькой девочки, которая прилюдно, в парке, за несколько мгновений расправилась с лучшими бойцами спецподразделения ФСБ «Вымпел», не ожидал никто из посвященных в детали операции. Сразу две группы вели опаснейшего преступника, которого необходимо было уничтожить, исключив возможность его контакта с другими людьми. А в итоге и преступник исчез, и странная девушка. Да еще теперь и личность этой девушки не удастся установить! Что за наваждение? Смирнов поднял за ночь на ноги пол-Москвы и все-таки кое-что накопал.

– Валерий Константинович, нашли мы ее следы. Она задерживалась патрулем Краснопресненского РОВД полтора года назад. Тоже странная ситуация – мы ее смогли опознать на камерах слежения, однако все документы, связанные с этим задержанием, каким-то таинственным образом исчезли.

– Хорошо искали? – Верхотуров внимательно посмотрел на собеседника.

– Искали очень хорошо, Валерий Константинович. Но мы зато нашли в Краснопресненском РОВД старшего лейтенанта Ивлева, который задерживал эту девушку и который кое-что вспомнил. – Смирнов немного затягивал последнюю, самую важную информацию, сохраняя интригу. Но увидев, что терпение генерала на исходе, быстро проговорил: – Мы нашли ее сожителя.

Верхотуров еще раз внимательно посмотрел на Смирнова:

– Ты извини, конечно, но согласишься ведь, что я прав! А? – Таким образом генерал Верхотуров обычно извинялся за свое хамство перед подчиненными и почти всегда бывал ими прощен. – Ну и где этот сожитель сейчас? – Последние слова генерал произнес уже тихо, предвкусывая интересное общение.

– В коридоре дожидается. Думаю, он нам все расскажет.

– Почему? – Генерал посмотрел на Смирнова с интересом.

– По-моему, он уже готов.

– Ну, так что же ты молчишь? Давай его сюда!

Смирнов вышел из кабинета, миновал генеральский «предбанник», открыл другую дверь, более тяжелую и солидную, и крикнул куда-то вдаль:

– Никифоров, заводи!

В кабинет вошел мужчина лет тридцати, вихрастый и напуганный.

– Ваше имя и фамилия? – Голос подполковника Смирнова вдруг стал решительным и властным.

– Анциферов. Анциферов Сергей, – немного запинаясь, ответил вошедший.

– Вот что, молодой человек, – внезапно заговорил низким приятным голосом Верхотуров, – погибли наши товарищи, так что мы особо церемониться с вами не будем. Вы это понимаете?

Сергей испуганно кивнул. Смирнов смотрел на него с плохо скрываемым презрением.

– Как зовут эту... м-м-м, девушку, которая в парке напала на наших сотрудников? Вы же знаете эту историю, ее сегодня только ленивый не знает, – в голосе генерала появились досадливые нотки.

– Конечно, знаю. И историю знаю, и девушку, – тут дрожащий голос Сергея стал немного увереннее. – Это – замечательная девушка! И зовут ее Глафира. Она... Знаете, она, наверное, больше похожа на существо неземное. И вам она, увы, неподвластна. Совсем.

Верхотуров со Смирновым изумленно переглянулись.

Глава IV. Таинственная Гаэта

В далекой Италии, на берегу лазурного Средиземного моря есть небольшой курортный городок Гаэта. Городок притулился на причудливо изогнутом полуострове и существует уже более двух тысяч лет.

Ласково накатывают волны на древний порт, ярко светит солнце, разодетые туристы прогуливаются по старинной набережной, в подрагивающем от зноя воздухе медленно плывет звон колоколов средневековых церквей. Пляжи фешенебельны и дороги.

В центре города расположена военно-морская база НАТО, что подтверждается обязательно стоящими на рейде военными кораблями, над которыми ветер нещадно треплет американские флаги. Американские моряки с удовольствием направляются в расположенные поблизости бары, где отчаянно знакомятся с женщинами с разных концов света к взаимному, надо признаться, удовольствию.

Все в этом замечательном городке прекрасно, но есть в нем одна загадка: над живописными извилистыми улочками и древним портом возвышается старая средневековая крепость, которая, конечно, интересует многих туристов, но попасть туда невозможно.

Петьке эта таинственная крепость никак не давала покоя.

Разветвленная сеть многочисленных контрольно-пропускных пунктов и мобильных патрулей не оставляла даже теоретической возможности хотя бы приблизиться к старинной крепости. Петька уже много раз пробовал туда пробраться. Но даже если ему удавалось подойти близко к забору, на котором красовались плакаты с грозными надписями «Zona militare. Limite invalicabile. Sorveglianza armata», то за ним становился виден другой забор, гораздо более серьезный. Но штука была в том, что даже этот забор не представлял собой никакой ценности, потому что за ним виднелся еще один забор, такой, надо сказать, заборище, что даже страшно становилось от мысли, что за таким забором могут прятать. А то, что надпись на плакатах грозная, Петька понял потому, что сбоку от итальянских букв был нарисован снайпер, целящийся из винтовки прямо в того, кто на эту надпись смотрел. Впрочем, долго любоваться этим снайпером у Петьки тоже не получалось, потому что, как только он подходил к этой надписи, обязательно откуда-то появлялся камуфлированный джип с вооруженными людьми в балаклавах. Тогда Петька торопливо прятался в кустах, и они проезжали мимо. Ни папу, ни Мариночку эти вооруженные люди совершенно не интересовали. А зря. Папа говорил: «Петь, ну, брось, что тут такого? Военная база здесь находится, все понятно. Поэтому и проход запрещен». А Мариночка даже и этого не говорила. Потому что ей Петя был, как она однажды сказала, когда они опять ругались, «до фонаря».

Но военная база находилась у моря и никакого отношения к странной крепости не имела. Петька это сразу смекнул. Он видел, как несколько веселых моряков вместе с подругами однажды поздним вечером смело направлялись из одного бара по древней лестнице наверх, к крепости, но были тут же остановлены вооруженным патрулем и с позором отправлены прочь.

С позором, потому что стоило одному из моряков повысить голос, как эти задрапированные ребята в балаклавах вскинули автоматы и демонстративно щелкнули затворами. Не удалось тогда морякам перед девчонками позадаваться!

Вообще Петьке нравилось наблюдать за этими таинственными патрулями, которые прятали лица под маски-балаклавы (это по летней средиземноморской-то жаре!), везде появлялись вооруженные до зубов и американских моряков, кажется, презирали. Папе не нравились «Петькины шпионские игры», так он называл расследования сына, но поделаться с этим он ничего не мог, так как ему страшно хотелось выпить итальянского вина и беззаботно лечь спать прямо на пляже Гаэты. Что касается Мариночки, ее Петька вообще никак не занимал, и она в лучшем случае могла сделать с ним селфи, эффектно сложив губки «уточкой». Папа, наверное, на эту

«уточку» и «запал», по крайней мере, так считала Петькина мама, отправляя сына с отцом и «этой сучкой» на далекий итальянский курорт, чтобы «подготовиться к школе». Петька не понимал, как можно в этой Гаэте готовиться к школе, поэтому все время посвящал раскрытию тайны секретной базы.

Однажды они, под руководством местного гида, отправились на небольшом катере купаться к разлому Монтанья. Гид называл его «местом силы». Место Петьке очень понравилось. Огромная скала, вершина которой примыкала к секретной базе, была словно рассечена пополам гигантским мечом. Внизу, в месте рассечения, находилось живописное озеро с прозрачной водой. Там все и купались. Когда ехали назад, Петька увидел, что со стороны рассеченной скалы к секретной базе подлетает вертолет. И вот ведь какая штука! Если не подъехать к этой скале на катере, с берега ни за что не увидишь, что туда вертолет летает! Все это показалось Петьке чрезвычайно подозрительным и очень интересным. Но самое интересное произошло вечером...

А вечером папа с Мариночкой отправлялись в «очень хороший» ресторан. Петьке страшно не нравилось ходить с ними в рестораны, а особенно в те, которые папа называл «хорошими». Там, во-первых, готовили невкусно, а во-вторых, было ужасно неинтересно. Даже когда папа с Мариночкой начинали ругаться, делали они это скучно и занудно. Впрочем, однажды вечер удался. Тогда Мариночка бросила в папу омара, а тот зацепился клешней за ее волосы. Как она кричала! Вот когда Петька повеселился. Но таких удачных походов в рестораны больше не было, и Петька с тех пор на удачу не надеялся.

И надо же такому случиться, что именно в тот вечер, когда Петька видел вертолет, ему предстояло удивительное приключение! В этот раз Мариночка омарами не бросалась, но все равно получилось очень интересно. Впрочем, обо всем по порядку.

Ресторан назывался «La Cantinella Gaetana» и находился неподалеку от городского кафедрального собора. Папа с Мариночкой прошли под старинные своды, сели за стол, заказали Петьке невкусную рыбу и начали привычно ругаться. Петька обежал дважды вокруг собора, обошел все столы в ресторане, побегал по небольшой веранде, а теперь стоял перед входом в «La Cantinella Gaetana» и смотрел на большую лохматую собаку, привязанную к скамейке. Из собора вышел человек в неприметном одеянии и тихо прошелестел мимо Петьки в ресторан. Петьке очень понравилось, как этот дядька перемещается: плавно, беззвучно и почти незаметно. Вот если бы он, Петька, так умел, давно бы, наверное, на секретную базу пробрался! Но такое умение, конечно, приходит с годами. А Петьке всего-то десять лет! Ну, ничего! Я ему еще покажу, решил Петька и стал наблюдать за человеком, который изо всех сил старался быть неприметным.

– Петя, ты съел доряду? – Папа выглянул из-за Мариночкиного плеча. Ну, что же это такое?! Никак не получается стать таким же незаметным, как случайный прохожий из собора! Конечно, так нечестно! Этого незнакомца папа ни про какую рыбу не спрашивает. Вообще, если бы этот человек в сером одеянии попробовал существовать рядом с папой, который постоянно не к месту задает дурацкие вопросы, или с Мариночкой, которая вопросов не задает, но постоянно шепчет: «Я тебя задушу однажды, змееныш, когда ты будешь спать!», то еще неизвестно, смог бы он так незаметно передвигаться или нет. Но незнакомец не был обременен ни папой, ни Мариночкой, поэтому чувствовал себя абсолютно свободным. Но только не сегодня! Петька решил выследить этого тихоню и вывести его на чистую воду.

Незнакомец был похож на кардинала Ришелье из фильма про мушкетеров, только одет он был не в красное, а во что-то серое. Петька про себя назвал незнакомца Кардиналом. Кардинал покрутился на небольшой веранде, заглянул в ресторан и незаметно присел у барной стойки на крутящийся стул. Ему налили стаканчик виски, ничего не спрашивая и с ним не разгова-

ривая. От Петьки не укрылось, что человека этого в ресторанчике явно боятся и стараются не встречаться с ним взглядами. Петька затих на своем месте, незаметно поглядывая на человека в странном сером одеянии.

Возраста он был, пожалуй, пожилого. Хороший загар, небольшая черная бородка и блестящие черные глаза свидетельствовали об обратном, но глубокие морщины, избородившие лицо, и невероятных размеров круги под глазами не давали обмануться.

Вел он себя очень интересно.

Сначала он подсел к двум веселым итальянским морякам, что-то шумно с ними обсудил, выпил, похлопал их по плечам. Потом быстро исчез, чтобы появиться за другим столом в другом зале. Не привлекая внимания, посидел неподалеку от шумной компании немецких туристов. Потом вдруг неожиданно присоединился к ним, поговорил на хорошем немецком языке, о чем-то весело пошутил, отчего немецкие туристы громко расхохотались, и так же неожиданно пропал. В следующий раз он очутился уже на веранде, оживленно разговаривая на испанском с приятной молодой парой из Мадрида. Потом он опять растворился в бархатном полумраке средиземноморской ночи, чтобы через пятнадцать минут оказаться на веранде, за столом между двух сильно подвыпивших парней. К тому времени испанская пара уже ушла, и эти двое вместе с Кардиналом оказались на веранде совсем одни.

Петька внимательно наблюдал за незнакомцем, а в этот раз стало совсем интересно, потому что разговор происходил на чистейшем русском языке, которым человек с бородкой, как выяснилось, тоже владел в совершенстве, как, впрочем, и немецким, и испанским, и, собственно, итальянским.

– Туристы, значит? – спрашивал Кардинал, весело поглядывая на двух пьяных лохматых парней, которые сегодня уже явно перебрали, но заканчивать пить не собирались.

– Не, мы не туристы, – тяжело затряс рыжей шевелюрой парнишка, который был немного адекватнее своего товарища, – мы приехали сюда работать.

Товарищ хотел подтвердить эти слова кивком головы, но только икнул.

– Работать? Как интересно! А кем? – не унимался человек с бородкой.

– Ну, там, кем придется... Вон, Виталик итальянский знает, – рыжий неуверенно кивнул на своего приятеля. Тот опять постарался принять участие в разговоре, но только икнул.

– И что, вас сюда какая-то фирма пригласила? – продолжал расспросы странный выходец из кафедрального собора.

– Не, мы сами. Если честно, про наше путешествие вообще никто не знает. Ломанулись в Италию, на последние деньги, прикинь? Сюда по железке зайцами доехали.

Парень с рыжей шевелюрой совсем устал разговаривать и тяжело положил голову на стол. Зато взял себя в руки Виталик:

– А что, батя, может, у тебя здесь какая-нибудь работа есть? – Он с усилием поднял веки, чтобы посмотреть в бесстрастные глаза собеседника. Тот заказал еще граппы, посмотрел на Виталика и спросил:

– А что, молодой человек, скажите, часто ли вам снятся сны?

Виталик долго пытался осознать вопрос, а потом ответил вопросом:

– Какие такие сны?

– Ну, разные. – Кардинал неопределенно взмахнул рукой. – Особенно интересуют разноцветные. Знаете, когда вокруг все ярко, интересно, а утром ничего вспомнить не можете.

– Ну, такие сны у меня постоянно, – сказал Виталик, икнул и отключился.

Но проснулся рыжий.

– А что сны? – спросил он и уставился на человека в сером.

– Да ничего. Кажется, есть для вас работа.

Человек из собора огляделся по сторонам, приподнял рюмку с граппой, парни тоже собрались, чокнулись и выпили.

Кардинал оглядывался не зря. Он интересовался, не наблюдает ли кто-нибудь за их милой компанией. И остался доволен результатом. На улице не было ни души. Петька предусмотрительно скрывался за большим деревом. Тогда человек из собора взмахнул рукой, и откуда-то из темноты вынырнули еще четыре человека, тоже одетые во все серое и ступающие так же бесшумно, как и Кардинал. Они действовали быстро и расчетливо. Подскочили по двое с разных сторон к обоим пьяным парням. Молниеносно сгребли их в охапку и потащили в направлении той двери, откуда не так давно появился человек с бородкой. Виталик был абсолютно недвижим, рыжий попытался что-то крикнуть, но один из нападавших быстро зажал ему рот и нос какой-то тряпкой. Рыжий дернулся и затих. А эти четверо понесли своих пленников к старинной двери, за ними стремительно шел Кардинал.

На двери древними мастерами был вырезан странный крест: сам крест, увитый причудливыми орнаментами, был расположен непропорционально низко, а сверху вниз к нему вела длинная резная ножка. Как будто стандартный католический крест вверх ногами перевернули. Впрочем, Петьке было не до креста. Мальчик не верил своим глазам: настоящее приключение, далась ему эта дурацкая военная база, когда тут такое!

Но дальше стало еще интереснее. Внезапно тишину приморской ночи прорезал рев мотоцикла. Мотоциклист несся сверху, с площади перед собором. Он заложил крутой вираж, шины завизжали, мотоцикл описал круг и неожиданно оказался между дверью и группой похитителей с Кардиналом во главе. Человек соскочил с мотоцикла, и стало понятно, что это девушка. Одета во все черное, обтягивающее и поблескивающее в туманном свете гаэтанских фонарей. Петька затаил дыхание. Девушка была похожа на подружку Бэтмена из фильма, только ни маски, ни дурацких кошачьих ушей у нее на голове не было. Обычная девушка, только одета, конечно, необычно. Впрочем, спустя мгновение Петька понял, что девушка совершенно необычная.

Сначала она сказала какие-то странные слова, обращаясь к Кардиналу:

– Не забудь посолить мясо!

Непонятно, о каком мясе говорила красивая девушка, но Кардинал, кажется, понял, захотел и произнес:

– Это не сон, деточка!

И жестом что-то приказал своим коллегам. Те бросили свою добычу и двинулись на отважную защитницу незадачливых искателей работы.

Не говоря ни слова, девушка вдруг взлетела прямо над похитителями, раскинув руки и подтянув одно колено вверх. Р-раз! – и это колено встретилось с челюстью одного из похитителей. Два! – нога девушки разогнулась и наотмашь ударила по голове второго. Еще пара коротких ударов, и все четверо помощников Кардинала валялись, корчась, на пяточке у загадочной двери. Недвижимого Виталика вместе с его храпящим другом девушка одним движением уложила возле стены.

Кардинал выхватил пистолет с глушителем, Петька видел такие в кино, и начал стрелять в девушку. Выстрелы казались негромкими хлопками, но после каждого такого хлопка из стены древнего собора вылетал солидный кусок штукатурки. Попасть в девушку оказалось совсем не просто. Сначала она перевернулась в воздухе (две пули стукнули в том месте, где только что была ее голова), потом камнем упала вниз (пули еще раз ковырнули стену собора), отпружинила от земли и оказалась лицом к лицу со стрелявшим, при этом его рука с пистолетом неестественно вывернулась вверх. Человек с бородкой побледнел и разжал пальцы. Пистолет с глухим стуком упал на булыжную мостовую. Девушка подняла пистолет и что-то тихо сказала Кардиналу. Тот поспешно кивнул, затащил в дверной проем четверых своих помощников, затем прикрыл дверь и повернулся к девушке. Та опять подошла к нему близко-близко. Пистолета у нее в руках уже не было. Петька вначале даже подумал, что странная девушка собирается за чем-то поцеловать Кардинала. Но нет. Она положила ладони ему на щеки, слегка

нажала пальцами в районе висков, и глаза Кардинала тут же закрылись, а сам он повалился бы на мостовую, но девушка ловко поддержала его и посадила перед собой на мотоцикл, завела двигатель и, заложив крутой вираж, в одно мгновение скрылась из глаз. Еще несколько секунд был слышен рокот мотоцикла в старинных переулках, а потом все стихло.

На улице остались только двое незадачливых искателей работы. Они сладко спали, прилонясь друг к другу и подпирая спинами тысячулетнюю стену кафедрального собора Гаэты.

Петька выскочил из-за дерева и помчался рассказывать об удивительном происшествии папе.

Глава V. Неземная девушка

В кабинете Верхотурова стало совсем тихо.

– Почему же это она нам недоступна, эта ваша девушка? – вкрадчиво поинтересовался генерал ФСБ, выдержав долгую паузу. Но парня это не напугало.

– Поймите, вы сильны только с такими, как я.

– В смысле? – удивился в свою очередь подполковник Смирнов.

– Ну, я – не герой. И я все время боюсь. А она ничего не боится. И вы ничего ей сделать не можете. Потому что все ваши страшные мести для нее страшными не являются. Ну это как пугать, к примеру, дождь пистолетом. Или океан танком. Она другая. – Парень выглядел абсолютно сумасшедшим, хотя еще минуту назад так не казалось.

– Она – ваша сожительница? – Смирнов попробовал вернуть разговор в более привычное для него русло.

– Когда-то я был ее любимым. – Парень мечтательно улыбнулся и посмотрел куда-то над головами собеседников. – К сожалению, только она выбирает, кому и когда быть ее любимым. Она исчезает так же неожиданно, как появляется. И ничего нельзя изменить. Ни-че-го.

– Любовь, стало быть, у вас была? – проговорил Смирнов, смакуя это слово.

– Боюсь, что мой ответ на этот вопрос будет не совсем о том, о чем вы спрашиваете. Что такое любовь? Вы знаете? Я не знаю. Догадываюсь только, что это слово намного глубже того смысла, которое мы в него вкладываем. В Глафире была эта абсолютная сила любви, всепоглощающая и всепрощающая. Очень жаль, что я тогда этого не понял.

– А где же эта ваша Глафира сейчас? – быстро спросил Верхотуров.

– Увы, этого я не знаю. Как я был бы счастлив знать, где она сейчас... Я бы примчался туда, чтобы просить ее простить меня. Но увы. Она совершенно недоступна и неуловима не только для меня, но и для вас.

Генерал Верхотуров переглянулся с подчиненным.

– Раз она такая неуловимая, как же вам удалось с ней познакомиться? – сделал еще один заход Смирнов.

– Хорошо. Я расскажу вам. Просто потому, что мне приятно о ней говорить. Вы все равно не поверите ни одному моему слову. Но если вам интересно, пожалуйста. Глафира не имеет ни родителей, ни паспорта, ни прописки, ни места жительства, ни прочих таких важных для вас вещей... – Сергей взглянул на слушателей, как будто пытаясь понять, интересно ли им.

– Рассказывайте, молодой человек, нам очень интересно, – приободрил его Верхотуров.

Анциферов тряхнул головой и продолжил:

– Тут вот какое дело. В тринадцатом веке в Венеции научились делать зеркала. Стоили тогда зеркала огромных денег. Любой правитель любой страны с удовольствием хотел иметь такое чудо у себя в покоях. Венецианские мастера разработали секретный состав зеркальной Амальгамы, позволяющей влиять на тех, кто в это зеркало смотрится. Например, полностью подчинить волю или наградить смертельной болезнью. Или, наоборот, дать сил и здоровья. Позже выяснилось, что с помощью этих зеркал можно путешествовать во времени...

– Валерий Константинович, он что, издевается? – взмолился Смирнов и картинно закатил глаза.

– Молодой человек, продолжайте, не обращайтесь на него внимания! – сказал Верхотуров и строго зыркнул на подчиненного. Смирнов затих, а парень продолжил:

– Венецианские дожи с тех пор начали тайно править миром. Ну, не столько дожи, сколько Совет Десяти, это такой КГБ в древней Венецианской республике. – Тут Сергей еще раз окинул взглядом слушателей. Они сосредоточенно молчали. Он продолжил: – Для того, чтобы оберегать тайну Амальгамы, были созданы отряды Хранителей. Специальные эмиссары

ездили по всему миру, да, собственно, и сейчас ездят, и находили крепких здоровых детей, у которых не было родителей. Этих детей со всех стран собирали на одном из островов венецианской лагуны, где уже много столетий находится засекреченная школа, в которой готовятся Хранители – хорошо подготовленные воины, неуловимые, бесстрашные и непобедимые. «Хранители» – потому что много веков они охраняют тайну Амальгамы. Каждый год эти взрослеющие дети сдавали экзамен на право называться Хранителем. Экзамены всегда сдавали ночью, во Дворце дождей, в Венеции. Воина, не сдавшего экзамен, ждала смерть. Школу заканчивали только лучшие из лучших. Глафира – лучшая из тех, кто был лучшим из лучших. Она будет выполнять волю Совета Десяти непреклонно и не останавливаясь ни перед чем.

– Ну а вы-то как с ней познакомились? – спросил Смирнов, поглядывая на Верхотурова, сколько, мол, еще стоит слушать этот бред.

Верхотуров покачал головой, мол, еще послушаем.

– Дело в том, что уже несколько веков тайна Амальгамы перестала быть только венецианской тайной, и Совет Десяти теперь состоит из представителей разных стран и континентов. Он по-прежнему очень могуществен и внимательно следит за происходящим на всей планете и часто вмешивается в дела разных стран, для того чтобы вести человечество только ему известным путем. Тайна Амальгамы слишком велика и могущественна. Полтора года назад несколько сверхактивных российских граждан захотели эту тайну выведать. И погибли. Одного зеркальная Амальгама перенесла в другое время, другой погиб в подстроенной автомобильной аварии. Кстати, ваш коллега, генерал ФСБ Хомяков.

– Вы были знакомы с Александром Валентиновичем? – удивился Верхотуров. Одиозная личность генерала Хомякова, отвечающего в Главном Здании за спецпроекты, была глубочайшим образом засекречена. Впрочем, Верхотуров, немного порывшись в памяти, вспомнил, что последнее задание его коллеги, генерала Хомякова, действительно, было связано с какими-то зеркалами! Таинственная смерть Хомякова, случившаяся полтора года назад, породила в Главном Здании череду слухов, главным из которых был тот, что за излишнюю близость к Кремлю в Конторе могут покарать, и никто никогда не найдет никаких следов, как это было сделано и кем. Автомобильную аварию тогда списали на каких-то мифических террористов и даже под этот шум посадили в тюрьму двоих чеченцев, которых давно хотели туда упрятать. Но до реального положения дел так никто и не докопался. И вот сейчас этот странный паренёк вдруг демонстрировал такую удивительную осведомленность!

– Конечно, был. Да и Глафира его хорошо знала. Но тогда все и закончилось. – Было заметно, что рассказ про генерала Хомякова парню совершенно неинтересен. – По сути, мы и познакомились с Глашей через него. Он тогда работал с Райнальдом фон Дасселем.

– С кем? – удивился Верхотуров.

– Ну, это другая, но тоже очень интересная история. Перемещения во времени происходили очень редко, по одному-два в пятьдесят лет, когда в старинных зеркалах открывался временной коридор. Но одному человеку посчастливилось, а может, наоборот, не посчастливилось, всерьез постранствовать по разным временам. Это как раз и был фон Дассель. В общей сложности он перемещался целых три раза за свою удивительную жизнь. Когда-то, в начале XII века, он был архиепископом Кельна, сподвижником германского императора Барбароссы. Это он начал строить знаменитый Кельнский собор и привез в Кельн святые мощи волхвов из миланского кафедрального собора, предварительно разорив и разграбив Милан.

– И что же было потом? – нетерпеливо спросил Смирнов, выразительно поглядывая на Верхотурова и крутя пальцем у виска.

– Ну а потом он попал в Россию девяностых годов, стал вором в законе, прошел какие-то тюрьмы и лагеря, ему отрезали язык, не раз пытались убить, но он выжил. Тогда-то его и откопал генерал ФСБ Хомяков. Они вместе пытались разгадать тайну зеркал, изучали свойства

Амальгамы и наблюдали за людьми, что тоже пытались подобраться к этой тайне. Так они и вышли на Глафиру. Или, скорее, она на них.

– И где теперь этот архиепископ-уголовник? – хмыкнув, спросил Смирнов.

– Он погиб. Перенесся куда-то в другое время и погиб.

– Ну, конечно. Перенесся в другое время и погиб. Я должен был догадаться, – улыбнулся Смирнов. – Ну а что же ваша Глафира?

– Мы тогда были вместе чуть больше месяца. Обнявшись, просыпались по утрам. Я покупал в маленькой булочной около нашего дома пирог с вишней и возвращался домой, пока моя любимая еще была в постели. Мы завтракали, пили крепкий чай. Меня всегда забавляло, как Глаша смешно складывает губки трубочкой, чтобы горячий чай не обжигался. В эти минуты я был уверен, что жизнь прекрасна. Я пытался выяснить, чем же это таким занимается моя девушка, выполняя приказы Совета Десяти, мне это было интересно. Она что-то мне рассказывала, но не все, конечно. Практически все, что она мне рассказала, я сейчас рассказал вам. Не думаю, что она бы возражала. Во-первых, это выглядит абсолютным бредом и в это никто никогда не поверит, а во-вторых, на это совершенно никак нельзя повлиять. Они, действительно, управляют миром. Даже меня хотели в это их секретное общество принять. – Сергей пожал плечами. – Вообще, наверное, трудно представить более не подходящего для этого человека, чем я. Просто она меня любила. И все делала для меня. – Анциферов задумчиво посмотрел куда-то вверх и вдаль, в сторону портрета Дзержинского, который висел здесь много лет и который Верхотуров принципиально со стены не убирал.

– А потом? – продолжал допытываться подполковник Смирнов.

– А потом – все. Все закончилось. Она однажды ушла. Она сказала мне вдруг: «Прости, я ошиблась. Я ухожу. Больше ты меня никогда не увидишь». И ушла. Я представления не имею, куда она могла пойти, где жить, с кем просыпаться по утрам. Больше я ее не видел. Убивался, сходил с ума, пытался найти ее, но тщетно. И вот вчера увидел в новостях все эти кадры с камер наблюдений парка Горького. Это Глаша. И она по-прежнему неземная и божественная. А то, что она только троих ваших агентов уложила, это вам просто повезло. Если бы их было, к примеру, двадцать, она бы так же легко справилась бы со всеми двадцатью. Поверьте, это правда. Я видел, как она это делает.

– Ну хорошо, предположим, – потер виски Верхотуров. Он всегда так тер виски, когда что-то в разговоре шло не так. – Уложила двадцать бойцов, паспорта нет, хорошо. Но чего это она вдруг в парк полезла с ними драться? Там что, зеркала какие-то есть?

– Вот этого я не знаю, – опять сник парень. – Это вы сами разбирайтесь. Видимо, есть какая-то тайна. И, скорее всего, тайна очень древняя и какая-нибудь... итальянская. – Сергей Анциферов низко опустил голову и поэтому не видел, как удивленно переглянулись Верхотуров и Смирнов, сразу вспомнившие слова оперативного донесения про маленький итальянский город Гаэта.

Глава VI. Оперативное донесение

Совершенно секретно.

Главное Аналитическое управление ЦА ФСБ РФ.

Генерал-майору Верхотурову В.К.

В ходе аналитического исследования, проведенного Вторым отделом Главного Аналитического управления, полностью подтвердились предположения агента ГРУ «Странник». В Италии, в городе Гаэта, на берегу Средиземного моря, находится секретная база ЦРУ, ядром которой является лаборатория, расположенная в подвалах средневековой крепости. Есть все основания предполагать, что в этих подвалах изучается какая-то древняя тайна, суть которой заключается в воздействии на сон человека.

Случай с Гаэтой – единственный в своем роде, когда целая военно-морская база НАТО, расположенная в порту Гаэты, является прикрытием секретного проекта, осуществляемого в старинной крепости, расположенной на горе в центре города. Наши источники на базе НАТО сообщают, что даже разговоры о том, что в этой крепости происходит, мгновенно пресекаются старшими офицерами, которые тоже находятся в полном неведении относительно проводящихся там экспериментов. Взаимоотношение крепости с внешним миром сведено к нулю, ее хозяйственно-бытовое снабжение полностью автономно, полностью подконтрольно ЦРУ США и никоим образом не затрагивает жизнедеятельность военно-морской базы НАТО.

В то же время интересной является инструкция 1978 года для старшего командного состава военно-морской базы НАТО в Гаэте, что делать в случае захвата крепости подразделениями противника. Первое, что должно сделать руководство военно-морской базы, – организовать обстрел старой крепости с воды реактивными ракетами «до полного разрушения существующей инфраструктуры». Только после этого предлагается заняться потенциальным противником. Странная инструкция, если только в древней крепости не хранится какого-то тайного знания, обладание которым гораздо важнее самой военно-морской базы.

Крепость Гаэта упоминается в мемуарах папы Пия IX. Пий IX бежал в Гаэту, спасаясь от Джузеппе Гарибальди и его армии.

«Страшные тайны крепости Гаэта делают местных людей нелюдимыми и неразговорчивыми. Существует поверье, что в крепости живет привидение, питающееся людскими сновидениями. Если тебя поймают привидение и проникнет в твои сны, никогда покоя человеку не будет, и каждый сон его превратится в кошмар. А ловят жертв для пропитания привидения «ловцы душ», описания которых каждый раз разнятся» («Записки о достопамятных деяниях Пия IX». Рим, 1848).

Существует интересное поверье, что ловцов душ должно отпугивать соленое мясо. Что такого опасного таит в себе соленое мясо для человеческих сновидений, непонятно, но многие источники приводят латинскую фразу «Non dimenticare di salare la carne» («Не забудь посолить мясо») как ключ к избавлению от кошмарного сновидения.

Гаэта, ловцы душ и сны упоминаются также в народной итальянской песне, популярной в Лигурии, но первое появление все сборники единодушно отдают именно Гаэте.

*«Эй, моряк, куда плывешь ты?
Где же твой родимый дом?
Нет ни милой, ни ночлега,
И вокруг сплошная мгла.
И ловцы душ ждут твой сон.
Скоро ты забудешься и
Жизнь будет хороша».*

(«Песня моряка». Сборник итальянских народных песен, составитель М. Бартельмеи, 1823. Русское издание – Санкт-Петербург, 1840. Перевод С. Меньковского.)

«Ловцы душ», «ловцы сновидений» и «привидения, питающиеся снами» – это монахи ордена Святого апостола Петра, по свидетельствам современников, «загадочные и нелюди-мые». Они носили серые плащи, на которых был изображен т. н. «петровский крест». (Спр. о «петровском кресте» – далее по тексту). В XIV веке орден Святого апостола Петра был запрещен специальным указом папы Бонифация VIII, но продолжал существовать нелегально. При поддержке неких могущественных покровителей монахи ордена обустроились в древней крепости Гаэты и продолжали свою деятельность. По преданиям, монахи ордена вылавливали в портовых тавернах загулявших моряков, различных бродяг и блаженных для того, чтобы заточить их в подвалах неприступной крепости и проводить над ними насильственные опыты по проникновению в человеческие сны.

По одной из версий, именно монахи из Гаэты были задействованы для осуществления скрытого влияния за русским императором Александром I, победившего в войне с Наполеоном. Монахи проникали в сны Александра I во время европейского похода русской армии в 1814 году. После победы и покорения Парижа император неожиданно разочаровался в своих идеях, стал часто думать о том, чтобы отречься от российского престола, а все завоевания русской армии свести к нулю. Что впоследствии и было сделано. При странных обстоятельствах Александр I умер в Таганроге, по другим источникам – действительно отказался от престола, инсценировал в Таганроге свою смерть и ушел странствовать и проповедовать под именем «монах Федор Кузьмич».

Именно город Таганрог Ростовской области, где скончался (или инсценировал свою смерть Александр I), становится местом, где впервые появляется информация о русском специалисте, способном проникать в человеческие сны. Согласно секретному донесению в Петербург на имя шефа жандармского корпуса А.Х. Бенкендорфа от 1833 года, безвестный русский монах, сумевший впоследствии скрыться, проникал в сны Джузеппе Гарибальди.

Известный итальянский общественный деятель Джузеппе Гарибальди посещал Таганрог в 1833 году. Впрочем, тогда он еще не был известным. Монах поселился в том же доме, в котором жил молодой Гарибальди. На протяжении нескольких недель он совершал мистические действия, в результате которых у Гарибальди появилось навязчивое желание начать в Италии гражданскую войну. По сведениям сотрудников Тайного жандармского управления, монах находился в соседней с Гарибальди комнате и начинал свои опыты глубокой ночью, когда Гарибальди засыпал. После этих опытов Джузеппе Гарибальди отплыл в Италию из Таганрога с четким желанием начать освободительную войну и впоследствии стал национальным героем.

Именно после этого случая и после бесплодных попыток выловить скрывшегося монаха, по распоряжению А.Х. Бенкендорфа в России тоже начали опыты по проникновению в сны, прекращенные после революции 1917 года.

От этих опытов следов не осталось – после Великой Октябрьской социалистической революции эксперименты были прекращены, а сотрудники царской охранки, отвечавшие за организацию работ, осуждены пролетарским судом.

Однако остались легенды о влиянии сна на личность человека, собранные в Гаэте, которые уходят корнями в древние и священные писания, Библию и пр.

Например, знаменитый сон Соломона или сны фараона, не желавшего отпускать Моисея с еврейским народом из Египта, согласно учению из Гаэты, были тщательно спроектированы и организованы кем-то извне, в результате чего повлияли не только на конкретного фараона или Соломона, но и на весь ход мировой истории.

Сильные мира сего понимали или догадывались о возможности некоей силы влиять на сны и таким образом на весь ход человеческой истории и, как могли, пытались этому помешать. Так, апостол Петр, один из сподвижников Иисуса Христа, был жестоко казнен римским императором Нероном за то, что являлся императору во сне и просил прекратить гонения на христиан. Место казни апостола Петра неизвестно, но ряд источников указывает на то, что он был казнен в центре античного римского ипподрома, в том месте, где сейчас находится центральная площадь Ватикана, прямо перед нынешней папской резиденцией.

Чтобы неповадно было сниться императору, Петра, как и его учителя, Иисуса, распяли. Но для того, чтобы его мучения были еще невыносимее, Нерон приказал распять Петра на кресте вниз головой. В связи с этим в христианстве до сих пор существует понятие «петровский крест». Это обычный католический крест, удлиненная часть которого находится сверху, то есть крест перевернут «вверх ногами». Такой перевернутый крест впоследствии стал использоваться различными сектами для обозначения проникновения в сны, влияния на человеческие сны, а затем и вообще любых потусторонних сил наравне с перевернутой пентаграммой.

Важно, что именно перевернутый католический крест, или «петровский» крест, является эмблемой лаборатории в Гаэте и служит обозначением секретного проекта ЦРУ по проникновению в человеческие сновидения.

Учитывая, какую важность этим исследованиям придают в ЦРУ, проведение опытов в этом направлении для нашей страны также имеет важное государственное значение и может серьезно усилить оборонный потенциал Российской Федерации.

Предложение о выделении дополнительных средств на изучение истории вопроса, а также на установление наблюдения за деятельностью секретного подразделения ЦРУ на острове Гаэта, получение оттуда оперативных агентурных данных и снабжение ими проекта 014 «Сосны» Управления научно-технической службы ФСБ РФ считаем целесообразным.

*Начальник оперативного отдела Главного аналитического управления ЦУ
ФСБ РФ*

Полковник Георгиади В.С.

*Референт оперативного отдела Главного аналитического управления ЦУ ФСБ
РФ*

Подполковник Харитонов С.Г.

Глава VII. Спасение от неминуемой смерти

Война в Чечне шла уже давно, и конца или края ей видно не было. Не успели отметить новый, 1996 год, как 4 января, с утра пораньше, внезапно подняли весь саратовский оперативный полк внутренних войск и отправили на Кавказ «восстанавливать конституционный порядок». Конечно, про эту «внезапность» все знали еще за полгода до отправки – надо же было кому-то менять на позициях «зависшую» в Чечне дивизию Дзержинского. Но все равно еще толком не проснувшийся после пятичасового полета на огромном транспортном самолете-«корове» командир разведзвезда старший лейтенант Михаил Рудик оглядывал аэродром Ханкала так, будто видел его впервые.

Кругом ревели моторы, в небе было тесно от взлетающих и садящихся вертолетов, куда-то хаотично перемещались многочисленные военнослужащие, гулко стуча ботинками по разбитым бетонным плитам взлетной полосы старого военного аэродрома, расположенного неподалеку от чеченской столицы. Бригаду поджидала колонна грузовиков, на дверках водителей красовались выцветшие лохматые бронежилеты.

Рудик хорошо знал о слепой вере военных водителей в то, что бронежилет, растянутый на дверце автомобиля, спасет их от случайной пули или от разлетающихся осколков. Над такой верой никогда не смеялись, хотя была очевидна ее ущербность. Впрочем, ущербность любой веры очевидна и неочевидна одновременно.

У головного грузовика стояла группа дзержинцев. Вид они имели весьма геройский. Такой бедовый, архаровский облик солдаты принимали обычно через пару недель существования на этой странной войне. Головным убором становился камуфлированный платок, который иногда обвязывался вокруг шеи. Ко всем автоматам были прикреплены подствольные гранатометы, снаряженные автоматные магазины были плотно прижаты друг к другу «валетом» и стянуты синей изолентой. Воинские знаки отличия принципиально отсутствовали. Все стояли в «разгрузках» – лихих камуфлированных жилетах с большим количеством карманов, по которым были хаотично рассованы гранаты и сигнальные ракеты. Оружие бойцы держали не по уставу – не на ремне за спиной, а по-американски: высоко на груди, так, чтобы спусковой крючок находился у правого плеча. Пижоны. Дзержинцы курили, шурясь на солнце, и нарочно лениво наблюдали, как к ним приближалась колонна сменщиков.

Рудик искренне радовался за дзержинцев. Чего уж там? День-два смены – и все они окажутся дома, в своей родной Балашихе. Полгода страшной и непонятной войны для них закончатся. Можно вернуться к домашним проблемам, семейным скандалам, заслуженным тридцати дням «боевого» отпуска, разборкам с местными бандитами и прочим домашним «радостям».

– А с чего этот шпингалет вдруг краповый берет нацепил? – вдруг громко удивился один из дзержинцев.

Поначалу Рудик даже не понял, что под шпингалетом подразумевается именно он, кавалер ордена Мужества и командир «в законе», то есть из числа тех, чьи приказы никогда не ставятся под сомнение подчиненными. Но ему самому стало интересно посмотреть на «шпингалета». Тогда-то, обернувшись, он и увидел, в чью сторону устремлен указующий перст бравого вояки. Да и взгляд тоже.

– Свалился, наверное, у кого-то с головы, а шустрый шкет подобрал, – лениво поддержал напарника сосед.

– Ну да, а сам шмыг под лавку и поди достань его оттуда, – пробасил третий, здоровенный краснорожий верзила.

Рудик всегда старался быть вежливым. Поначалу это было жизненно необходимо, чтобы получать поменьше затрещин от ребят. Но и потом, когда он занялся карате, как раз входившее в моду в СССР, привычку не бросил. Да и сэнсэй, обожаемый маленьким Мишей, требовал

от учеников вежливости, нещадно выгоняя из секции тех, кто начинал кичиться своей силушкой и демонстрировать «приемчики» в драке. Именно потому Рудик не стал задирается, но от короткого деликатного замечания, в надежде, что народ образумится, удержаться не смог:

– Нехорошо.

Однако реакция оказалась иной.

– В смысле красть чужие береты нехорошо? – уточнил первый остряк.

– Или под лавки лазить? – пробасил верзила.

– А вы в детстве никогда не слышали поговорку: «Мал золотник, да дорог, велика Федора, да дура»? – кротко поинтересовался Рудик.

– Это ты про меня, что ли?! – с явной готовностью к драке делано удивился здоровяк.

– Ишь ты, Федора, – глубокомысленно протянул первый остряк и сочувственно похлопал краснорожего по плечу: – А ведь он тебя голубым назвал.

– Чего-о?! – возмущенно пробасил верзила.

– Того-о, – передразнил его остряк. – Сам, что ли, не понял: раз Федора, значит, баба.

Сечешь сравнение?

– Кто? Это чмо? – взревел здоровяк и недолго думая танком попер на Рудика.

Дальнейшие события уложились всего в несколько секунд, да и то исключительно по причине деликатности атакуемого, который в любых жизненных схватках предпочитал бить лишь в ответ, а первый раз – вообще вполсилы.

Так и здесь. Замах и попытка ударить у краснорожего кончились провалом, поскольку «шпингалет» куда-то исчез из поля его видимости. Зато в следующую секунду Рудик, успевший даже не сместиться, а плавно перетечь в сторону, уже оказался позади здоровяка, и тот получил увесистый пинок под зад. Приятели, конечно, болели за своего, но виртуозный финт малыша им настолько понравился, что они, не выдержав, разразились хохотом, да и прочие присутствующие тоже.

– Ах ты ж...! – разъярился верзила и, развернувшись, кинулся в новую атаку.

Но лучше бы он этого не делал, ибо на сей раз Рудик «перетекал» в сторону чуть медленнее обычного, задержав свою правую ногу, о которую не замедлил споткнуться здоровяк.

Надо сказать, земля в Чечне – особенная. В ней много глины, которая налипает на солдатские берцы гигантским комом. И смыть или отскоблить этот ком очень сложно. В изобилии хранилась эта знаменитая чеченская глина в многочисленных ямах и лужах в тех местах, где дислоцировались части российской армии и внутренних войск. Боевые машины в считанные дни раздирали траву на мелкие клочья, вырывая в мягкой почве глубокие колеи, в которых сразу начинала собираться вода. Вот именно в такую колею и спикировал верзила под хохот товарищей.

Новенький, приготовленный для войсковой замены камуфляж оказался безнадежно испорчен.

– А малый-то – красавец! – восхищенно сказал кто-то из дзержинцев. Недоволен был только пострадавший верзила. Его отправили куда-то к легчикам «замываться», поскольку в таком виде тому точно не стоило грузиться в вертушку. Вняв дружеским советам и на всякий случай погрозив «шпингалету» кулаком, верзила поплелся приводить в порядок обмундирование.

Так началась очередная боевая командировка командира батальонной разведки...

Рудик был отменным разведчиком. И в первую очередь – именно благодаря своим недостаткам: малому росту и совершенно несерьезной внешности. Впрочем, благодаря сенсею, он давным-давно перестал считать их недостатками. Причем учитель не просто говорил Мише, что на это, дескать, не стоит обращать внимания, но уверял, что все это – его достоинства, ибо мудрый из всего сможет извлечь выгоду, если хотя бы чуть-чуть призадумается. Ну а если голова у него на плечах лишь для того, чтобы в нее есть, тогда конечно... Тогда и говорить не

о чем. Рудик в свою голову не только ел и потому нашел массу преимуществ своей неказистой внешности. Да, курносый, да, слегка пучеглазый, и уши смешно оттопырены.... Все это красоты не дает. Про рост и говорить нечего – метр с кепкой. Зато он не производил впечатления опасного или на худой конец просто умного, а на деле был и тем и другим и умел просчитывать ситуацию на шесть-семь ходов вперед.

А еще Михаил Рудик умел располагать к себе людей и мастерски вербовать их в свои информаторы, не брезгуя никем. Раскидистая сеть, сотканная им, включала многих: начиная с чванливого и, казалось бы, непримиримого к русским муллы Хаджибекова и заканчивая невзрачным пастухом Гатыровым, который был уличен Рудиком в тайном гомосексуализме. И никому другому лучше этого смешного маленького лопухого человечка не удавалось столь виртуозно использовать себе во благо различные недостатки горцев, например, их предрасположенность к бахвальству и преувеличению своих заслуг.

Держался старлей всегда и со всеми скромно, ничем особенным не выделялся, имел один боевой орден, но на войне это дело обычное. Солдаты уважали Рудика именно за эту скромность, аккуратность в отношениях и абсолютное отсутствие бравады и бахвальства, хотя глава батальонной разведки имел на это полное право.

Потянулись обыкновенные военные будни с ночными рейдами и обстрелами, унылыми пейзажами и тягучим, резиновым временем.

В тот злополучный вечер Рудик долго не мог заснуть в своей гигантской палатке. И не потому, что офицерские носки в количестве пяти десятков, снятые и брошенные на берцы, придавали воздуху разные неприятные ароматы. К этому он притерпелся и привык. А вот сырая промозглая погода – иное. К тому же толстые поленья свежеспиленной чеченской акации никак не хотели разгораться в печке, а запасы пороха, служившего разжижкой, как назло, кончились, и народ, умаявшись в тщетных попытках растопить буржуйку, лег спать так.

Если бы Михаил хорошо поужинал, тогда еще ничего, но в эту командировку офицеров с прапорщиками кормили так, что хуже не придумаешь – попался сволочь зампотылу по фамилии Рябота, прикомандированный из другой части. А потому Рудик, сидя в столовой, мрачно поглядев на миску еле теплой перловой каши с ложкой кильки в томате, возвышавшейся в середине красным холмиком (братское кладбище – именовали его остряки), сердито отодвинул ее в сторону – не солдат-первогодок. Чай с ложкой сгущенки вприкуску с двумя галетами лишь слегка, да и то ненадолго, улучшили настроение.

Полежав на узкой солдатской койке с совершенно не желавшими растягиваться могучими пружинами, отчего Рудик все время казалось, что под ним голые доски, он плюнул, поежился и, решительно встав, потопал, на ночь глядя, к соседям в артдивизион за порохом. Его они выменивали на спирт или водку. Используемый в качестве взрывателя в 152-мм гаубицах порох, внешне выглядевший вполне безобидно и очень напоминавший обычные восковые свечи, разве что без фитиля, находясь в незамкнутом пространстве, взрываться не помышлял, а лишь ярко полыхал, так что разжигать им сырые дрова было очень удобно.

Выйдя от «богов войны» с полной охапкой «свечей», Рудик тревожно оглянулся по сторонам. Что-то смущало его, но что именно, он никак не мог понять. Вроде бы непроглядная тьма, царящая вокруг, молчала, но было это молчание каким-то неправильным, тревожным. Странное чувство, если учесть, что все его местные информаторы в один голос уверяли, что пока никто из полевых командиров не собирается ничего предпринимать и вообще зима – не подходящее время для войны. Вот наступит весна, расцветет, словно похоронный венок на могиле, «зеленка», тогда и начнется. Михаил и сам знал, что время не подходящее, но своему предчувствию привык доверять. Раз сигнализирует, значит, есть причина. Вот только какая?

А потом ему приснился вещий сон. В его снах иногда появлялся кто-то. Этот «кто-то» был очень приятен, вокруг него цвели цветы и пели птицы. Нежная синь неба, шум реки, которая переливалась неестественно яркими красками, и Рудик плыл по этой реке, но почему-то

абсолютно не чувствуя воды. Все это волшебство появлялось в его сне благодаря странному кому-то, чье присутствие всегда ощущалось. В какой-то момент, еще в детстве, Рудик даже не понял, а осознал, как зовут этого обитателя собственных снов. Имя было очень странное и какое-то неземное. Эо. Тогда Миша решил, что тот, кого зовут Эо, – женщина. Может быть, потому что было так хорошо ощущать себя с ней рядом, таким спокойствием веяло от ее присутствия, такой нежностью и любовью, что каждая встреча с ней дарила тепло и согревала душу.

Вот и сейчас Рудик сразу почувствовал, что Эо где-то рядом. Но в этот раз не было пения птиц, голубых небес и шума разноцветной реки. Он вдруг оказался в сыром узком ущелье. Вокруг были голые серые скалы, над головой мрачные грозовые тучи, холодный ветер пронизывал насквозь, а колкие гранитные камешки больно впивались в босые ступни. Утробный нарастающий гул сковал Рудика страхом, и сквозь этот гул и завывания ветра он услышал ее голос.

– Проснись! Проснись! Проснись! Спасайся прямо сейчас или погибнешь!

От неожиданности он, обладавший на редкость крепким сном, действительно проснулся. Менее подготовленному человеку, чтобы принять решение в такой обстановке, потребовалось бы какое-то время. Начальнику разведки Рудик, умеющему принимать решения молниеносно, хватило доли секунды. Вопрос был один: стоит верить странному сну или нет. Если да, надо бежать из палатки сломя голову, а если нет, попытаться снова уснуть. Он вспомнил свои собственные предчувствия и решил, что лучше бы поверить – полезней для здоровья. И, соскочив с кровати, заорал во всю глотку:

– Подъем! Тревога!

Рудик набросил на себя камуфляж, сунул ноги в берцы, схватил автомат и пулей вылетел из палатки, продолжая кричать: «Подъем! Тревога!», а потом добавив отборного мата.

Позже те немногие, кто успел спастись, вовремя выбежав вслед за Рудиком, в один голос говорили, что именно вот этот отборный мат от никогда не ругавшегося старлея и заставил их пошевелиться.

Огненный шквал обрушился на расположение батальона буквально через минуту. Успев к тому времени добежать до окопов, оглянувшийся Рудик на миг застыл, видя, как на месте его недавнего ночного отдыха расцветает, недобро багровея, экзотический цветок из желто-красных лепестков пламени, обрамленный скромно вьющимися по бокам синевато-черными дымными лепестками. Выпущенный из миномета снаряд оставил на том месте, где только что была палатка, лишь огромную яму и вот этот огненный цветок.

Спустя еще мгновение Рудик уже палил из траншеи, откликаясь на фиолетовые вспышки трассеров, летящих в него, казалось, со всех сторон. «Чехи» пошли было в наступление, но оставшиеся в живых товарищи, спасенные Рудиком, вступили в бой и отбили атаку.

Когда рассвело, по периметру насчитали более полусотни трупов. Старший лейтенант понял, что батальон был очень профессионально окружен, а ночной атаке, прямо по науке, предшествовал швальный минометный обстрел, и, конечно, в живых здесь не должно было остаться никого. Чеченцы были пришлые, хорошо экипированные и подготовленные.

О том, что это был отряд полевого командира по имени Хаттаб, рассказал уже вечером прибывший из штаба группировки подполковник. Оказывается, вся группировка искала этот неуловимый отряд Хаттаба, а он сошелся в бою в совершенно неожиданном месте с рудиковским батальоном. Тщательно проанализировав ночное происшествие, подполковник сделал справедливый вывод, что если бы не успевший занять оборону старлей, а с ним еще с десятков офицеров и прапорщиков, выскочивших из палатки следом, батальону наступила бы хана.

– Но как ты сообразил? Как ты почувствовал опасность? – Разглядывая неказистого Рудика, подполковник тербил свой огромный нос большим и указательным пальцами правой руки.

Дело в том, что ситуация пахла, помимо орденов, еще и героической звездочкой.

Старлей, не видя смысла скрывать, в конце концов, мало ли у кого какие бывают предчувствия, в очередной раз опрометчиво повторил, что предостерегла его приснившаяся женщина по имени Эо.

Тут-то и решил подсуетиться зампотылу майор Рябота. По закону подлости, в отличие от погибших командира и начштаба, Рябота после того ночного боя уцелел, временно принял на себя командование батальоном и начал очень активные аппаратные действия.

Для начала он связался с руководством Владикавказского госпиталя и аккуратно сдал туда Рудика. Согласитесь, что тронувшийся умом командир батальонной разведки – это уж слишком! Конечно, спасибо, что этот неврастеник спас от гибели личный состав батальона, но больше рисковать нельзя. Пусть в госпитале врачам про свою Эо рассказывает. Тут война, между прочим, идет, не до видений! Михаила в том бою действительно сильно контузило. Да и, что греха таить, действительно, случилось с ним что-то, что не могло укрыться от внимательных взглядов сослуживцев. Рудик после того боя стал нелюдим, угрюм, у него появилась привычка разговаривать с самим собой. Война, ничего особенного, думали товарищи, здесь у каждого по-своему крыша едет.

На радость майору Ряботе как-то все совпало. Накануне спятивший армейский прапорщик расстрелял в Беслане из АК шестерых сослуживцев, так что военные врачи на сигнал о некоем помешательстве старшего лейтенанта-разведчика отреагировали молниеносно.

Во-вторых, имелся благовидный и совершенно официальный предлог для госпитализации – сильная контузия.

Ну а в-третьих, в госпитале как раз находилась группа московских психиатров, и один из них, проверяя Рудика, обнаружил, что парень необыкновенно быстро реагирует на гипноз и почти мгновенно погружается в искусственный сон. Очень внимательно военный психиатр выслушал рассказ об Эо, задавал многочисленные дополнительные вопросы и задумчиво качал головой. Узнав, что старший лейтенант не имеет никого из близких на всем белом свете, следовательно, проявлять заботу о его судьбе некому, психиатр ушел на узел связи и отправил куда-то странное зашифрованное донесение. Ответ пришел на следующий день, чуть ли не из Главного штаба.

– Как вы себя чувствуете, голубчик? – спрашивал Рудика камуфлированный московский психиатр.

Рудик в ответ молчал, оглядывая потеки на потолке. Ему стала неинтересна вся эта странная суета, все эти странные доктора. Он ждал своего сна, в котором, если повезет, будет Эо... Эо, которая спасла ему жизнь.

– Повезло вам голубчик! В Москву поедете. Там есть замечательный санаторий для таких, как вы. «Сосны» называется. Вам там обязательно понравится.

Рудик лениво продолжал оглядывать потолок. «Сосны» так «Сосны». Он не знал что уже спустя неделю после его пребывания в таинственных «Соснах», в Главное Управление ВВ МВД России придет медицинское заключение. И будет оно гласить, что старший лейтенант Рудик, в силу утерянного здоровья, признан негодным к дальнейшему прохождению службы

во внутренних войсках страны и подлежит увольнению в отставку. Более того, в заключении было также указано, что в результате тщательного обследования старшему лейтенанту Рудик присвоена первая группа инвалидности, означающая необходимость в постоянной посторонней помощи, контроле и надзоре. В рамках недавно утвержденной президентом медицинской программы таковая помощь Рудик будет оказана в полном объеме прямо там, в санатории «Сосны», лечащий персонал которого как раз специализируется на подобного рода заболеваниях.

Не знал Рудик и того, что застрянет он в этих «Соснах», медленно сходя с ума, на долгие двадцать лет, до самого апокалипсиса.

И уж тем более он так никогда и не узнал, что уже через полгода после того знаменитого боя майору Рябите присвоят звание Героя России, а одна из школ в маленьком городке в Тульской области станет с гордостью носить его имя.

Глава VIII. Венецианская ночь

Расположенный в самом центре Венеции роскошный Дворец дождей в любое время года переполнен туристами. Тысячи людей со всего мира стремятся посмотреть на удивительный памятник готической архитектуры, место, откуда в Средние века вершили судьбы мира могущественные венецианские правители.

Восхищенный многоголосый шепот множится бесконечными арками, прорезающими высокие потолки, украшенные богатой лепниной и шедеврами Тициана, Веронезе или Тинторетто. Туристический поток не ослабевает ни на минуту, это не зависит ни от погоды, ни от времени года, ни от политических катаклизмов, сотрясающих наш бранный мир (обитатели роскошного дворца видывали и не такое). Но ровно в 18.00 двери Дворца дождей закрываются. Проворные местные работники, совсем не похожие на российских музейных бабушек, твердо и непреклонно сгоняют зазевавшихся туристов во внутренний двор, откуда те, немного побродив взад-вперед, вынужденно отступают на площадь Сан-Марко. За ними захлопываются большие старинные ворота, настолько старинные, что дерево, из которых они сделаны, само по себе кажется музейной древностью.

Еще несколько часов туристы оживленно бродят вокруг Дворца дождей и рассматривают его снаружи. Потом наступает темнота, и гости разбредаются по многочисленным венецианским ресторанам, тратториям, пиццериям и сувенирным магазинчикам. На площади Сан-Марко начинают играть оркестры у маленьких кафе. Люди тянутся к огню, музыке и комфорту. Ближе к полуночи возле Дворца дождей вы не найдете никого. Разве что влюбленная парочка прошмыгнет между колоннами аркадной галереи и тут же направится к набережной. Там, у роскошных старинных фонарей, пришвартован десяток гондол, на которых расположились невероятно обаятельные гондольеры в причудливых шляпах и широких тельняшках. Но если не брать в расчет влюбленные парочки, Дворец дождей остается с черной венецианской ночью один на один, и самое популярное в мире место ночью становится совершенно безлюдным.

Впрочем, сегодня Дворец дождей мог быть совершенно спокоен, он был не одинок. По его галереям твердым шагом шла красивая девушка в облегающем черном кожаном одеянии. Было очевидно, что девушку совершенно не волнуют громкоголосые гондольеры, расположившиеся возле пристани Пьяцетта, шум волн и крики чаек, звездное небо или очаровательный вид, открывающийся отсюда на церковь Санта-Мария делла Салюте, расположенную на другом берегу лагуны.

Девушка шла по галерее первого этажа Дворца дождей и внимательно смотрела на резные колонны, как будто очень давно их не видела, но, очевидно, помнила каждую. Ее черные волосы перебирал северный ветер, чувственные губы были приоткрыты, а в ясных голубых глазах стояли слезы. Но, несмотря на эти слезы, взгляд у девушки был счастливый, а походка уверенной. Если бы у старинного дворца вдруг оказался случайный прохожий, он бы сказал, что девушка, наверное, возвращается в родной дом после долгой разлуки.

Впрочем, прохожий был. Облаченный в величественную красную мантию и будто шагнувший сюда, на набережную, с какой-то средневековой картины, он появился в том месте, где дворец соединялся с собором Сан-Марко, около Порта делла Карта, так называемой «Бумажной двери». «Бумажная дверь» была на самом деле большими массивными воротами, над которыми нес многовековую вахту грозный крылатый лев, заставивший склониться перед собою мраморного персонажа в одежде венецианского дожа. Человек в красной мантии неожиданно вынырнул из темноты, склонился почтительно перед девушкой и произнес:

– Уважаемая Глафира, Совет Десяти ждет вас.

Глафира чуть наклонила голову, приветствуя говорившего, потом достала из кармана небольшой блестящий медальон. Лев, изображенный на медальоне, был точной, только многократно уменьшенной копией льва, охранявшего «Бумажные ворота».

Девушка вставила медальон в старинную скважину, и древние ворота вдруг очень легко и бесшумно открылись. Глафира сделала решительный шаг вперед, и дверь закрылась за ней так же бесшумно и быстро, как только что открылась.

Она пошла вверх по лестнице Гигантов, целиком вырубленной из каррарского мрамора много-много столетий назад. Абсолютную тишину венецианской ночи, которую многократно усилили стены закрытого внутреннего двора Дворца дождей, прорезал только размеренный стук каблучков поднимавшейся по исторической лестнице девушки. На самом верху, между огромными статуями Марса и Нептуна, Глафиру ожидал еще один человек, одетый в такую же красную мантию, как и тот первый прохожий у «Бумажной двери».

– Уважаемая Глафира, спасибо за то, что вы здесь. Вас ждут.

Глафира еще раз кивнула и пошла за этим человеком. Они прошли второй этаж и роскошный зал заседания Большого Совета. Лунный свет, проникавший сквозь огромные, заостренные кверху, окна, таинственно блеснул на паркетном полу, иногда освещая сотни лиц венецианских дождей, портретами которых зал был украшен уже не одну сотню лет. Глафира привычно скользнула взглядом по одному портрету, который был замазан черной краской. Надпись под ним она знала наизусть: «Здесь должен был быть портрет дожа Марино Фальеро, обезглавленного за совершенные преступления». Глафира вспомнила, что человек, встретивший ее на лестнице Гигантов, стоял как раз на том месте, где в 1355 году связанному дожу Марино Фальеро, по решению Совета Десяти, отрубили голову. Это был один из тех сюжетов, которые, по мнению Мастера, Глафира никогда не должна была забывать. Мятежный дож пошел против Совета Десяти и жестоко за это поплатился.

Они прошли еще несколько полутемных роскошных залов и оказались перед большими дубовыми дверями, которые освещали несколько чадающих факелов. Глафира хорошо помнила эти двери. Эти двери вообще, наверное, хорошо запомнили все, кто томился перед ними в ожидании приговора могущественного Совета Десяти. Когда-то перед этой дверью стоял в ожидании приговора Джордано Бруно и все надежды молодого талантливого человека оказались похоронены одним росчерком пера секретаря Совета. Сидел перед этой дверью и знаменитый любовник Казанова, с ужасом выслушавший приговор о вечном заточении в страшных венецианских «Пьямбах». Неоднократно бывала перед этой дверью и Глафира, ежегодно сдавая экзамен на право оставаться Хранителем. Всю ночь они отвечали на запутанные вопросы членов Совета, изредка отвлекаясь на рукопашные схватки во внутреннем дворе дворца. А ранним утром, когда испытания и допросы заканчивались, каждого из них вызывали к этим дверям. И никто не знал, кого Совет оставит в живых, а кого – нет.

Однажды Глафира позорно провалила подряд несколько схваток на ножах, и решающая должна была состояться с юношей-индусом по имени Атул. Этот Атул был чертовски гибок и быстр, как молния. Его холодные жестокие глаза девушка запомнила на всю жизнь, как и позор, который сопровождал ее каждый раз во время спаррингов с Атулом. Глафира никак не смогла его «считать» и тогда очень быстро оказалась на каменном полу внутреннего двора Дворца дождей, а Атул прижал к ее горлу холодное лезвие. Если бы Учитель не остановил схватку, ее бы убили, но Учитель схватку остановил и посмеялся: «Живи пока, до утра еще у тебя время есть!» С побелевшими губами, с тяжелым уханьем в сердце входила на рассвете Глафира в эти двери. Долгим молчанием встретил тогда ее Совет. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем прозвучало спасительное: «Испытание пройдено». Глафира летела обратно, по Золотой лестнице, как будто рожденная заново! А вот Атула никто из их группы больше никогда не видел. Воистину удивительно и непредсказуемо принимал решение Совет Десяти, движимый только ему понятными мотивами и предсказаниями!

Человек, который привел Глафиру, исчез где-то в полутемных коридорах дворца. Она стояла, как и много лет назад, совершенно одна перед этими страшными дверями. Воспоминания накатывали на нее все с новой и с новой силой.

Вдруг двери распахнулись, и низкий мужской голос сказал по-итальянски: «Входите».

Глафира зажмурилась и шагнула в распахнутую дверь, как в бездну.

На возвышении перед ней сидели члены Совета Десяти, в старинных одеяниях, напыщенные и мрачные. Глафира прошла десять шагов и остановилась в центре зала. Воцарилось молчание. Девушка хорошо знала этот прием. Многие, приведенные в этот зал падали в обморок после этой страшной, предваряющей разговор паузы. Кто-то бросался на колени перед Советом и начинал на всякий случай каяться сразу во всем, что только приходило в голову. Умели эти господа навести ужас на свои жертвы. Глафира в обморок не падала и на колени не бросалась. Помолчали. Затем Председательствующий, лицо которого скрывала старинная венецианская маска, повелительно распорядился:

– Внесите зеркало.

Раскрылась другая дверь. Та, куда уводили осужденных Советом, чтобы больше их никто и никогда не видел. Два монаха внесли в зал Совета Десяти большое старинное зеркало. Эту неприятную процедуру Глафира тоже знала. Каждый, кто собирается о чем-то говорить с Советом, должен посмотреть в старинное зеркало. Зеркала были разными. Одно, например, Черное зеркало Дандоло, выжигало людям глаза, другое подавляло волю, зеркало Себастьяно Дзиани просто наповал убивало любого, кто посмотрел в него. Великая тайна древних амальгам муранских стеклодувных мастеров придавала этим зеркалам колдовскую силу, и Совет Десяти свято хранил эту тайну. Впрочем, чаще зеркало было самым обыкновенным, но смотревшийся в него испытывал благоговейный ужас перед артефактом и перед могуществом Великого Совета.

Глафира не знала, что за зеркало подсунули ей сегодня. Она сделала решительный шаг к монахам и бесстрашно взглянула в древнее мутное стекло. В голове что-то загудело, ноги подкосились, глаза закрылись сами собой, и, сопровождаемая гробовым молчанием присутствующих, девушка рухнула на пол.

Когда Глафира очнулась, она обнаружила себя крепко привязанной к большому тяжелому стулу. Привязанной очень профессионально и без малейшего шанса освободиться. Ноги ее были примотаны к ножкам стула, а руки заведены назад и связаны за высокой резной спинкой. Это было сделано так мастерски, что девушка не имела возможности даже шелохнуться. Над ней сосредоточенно колдовал один из монахов, суетливо убирающий куда-то склянку, в которой, по-видимому, был нашатырь.

Глафира подняла голову и с некоторым вызовом оглядела присутствующих. Участники Совета Десяти, одетые в длинные золотые мантии, скрывали свои лица за венецианскими карнавальными масками, холодными и бесстрастными. Лишь глаза, видневшиеся в прорезях масок, демонстрировали явный и неподдельный интерес. Им было интересно!

– Глафира, Совет спрашивает тебя, когда ты обуздаешь свою похоть? – раздался резкий скрипучий голос откуда-то справа, от одного из членов Совета.

– Я не понимаю, о чем вы говорите, господин. – Глафира старалась говорить спокойно, но получалось это плохо. Тяжело держаться с достоинством, когда ты связан по рукам и ногам и не представляешь, что тебя ждет.

– Ты прекрасно все понимаешь! – проскрипело ей в ответ. – Ты сходишься с мужчинами не только ради великой цели, но и ради удовольствия. Потом куда-то исчезаешь, и мы вынуждены искать тебя по всему миру, ожидая, когда пройдет твоя очередная влюбленность. – Чувствовалось, что говоривший совсем недавно уже искал Глафиру по всему миру, и это ему совершенно не понравилось. А еще чувствовалось, что он очевидно просто ревновал лучшего агента Совета Десяти к разнообразным мужчинам, которых этот агент, действительно, в последнее время расплодил вокруг себя в большом количестве.

– Я всегда выполняла задания Совета. – Глафира повернула голову к правому краю стола и, кажется, обнаружила говорившего. Это был человек небольшого роста, нервно вцепившийся пальцами в инкрустированный бортик кафедры, за которой сидел. – И здесь меня не в чем упрекнуть. Если же во время выполнения заданий я влюбляюсь, мне кажется, это можно простить. Я ведь все-таки, женщина!

– В первую очередь ты – Хранитель. – Раздавшийся густой суровый голос принадлежал, конечно, Председателю.

– Я понимаю это, господин, – опустила голову Глафира.

– Ты догадываешься, почему тебя связали?

Воцарилось молчание.

– Да, господин, – прошептала Глафира.

– Тогда расскажи Совету, почему тебя связали. – Председательствующий обвел взглядом зал и остановился на Глафире. – Ну?

– Вы заподозрили меня в измене. Потому что я должна была просто выкрасть человека из Гаэты и привести его к вам. А я устроила ему допрос и теперь знаю причину, по которой этот человек был вам нужен.

– Глафира, мы, конечно, хотим увериться в твоей верности Совету, поэтому расскажи нам, что ты узнала от этого человека из Гаэты, только постарайся ничего не упустить, – а вот этот голос Глафира узнала бы из тысячи. Ей было приятно услышать его в неприветливом и зловещем зале, увешанном такими красивыми полотнами Тинторетто.

– Учитель, я расскажу все, – ответила она голосу.

– Что ты узнала от этого человека? – проскрипел Правый член Совета.

– Я узнала, что уже много лет папская церковь держит в секрете знание о проникновении в человеческие сны. Оказывается, в чужие сны можно проникнуть и оттуда влиять на человека. Эксперименты по проникновению в сны начали делать в городе Гаэта, в старой крепости. Город портовый, все время много новых людей. Очень удобно. Для экспериментов брали матросов с иностранных кораблей, различных бродяг и пьяниц, которых никто не будет искать. Подвалы дворца хранят страшные тайны о том, что творили с этими людьми. Сейчас этими подвалами и этими исследованиями занимается ЦРУ.

– Хорошо. А что же русские? – проскрипело опять справа.

– Русские тоже активно занимаются этими исследованиями. Папские шпионы неосторожно вовлекли в процесс проникновения в сон Гарибальди, когда он находился в России, агентов царского охранного отделения. Те доложили начальству, и русские тоже стали разрабатывать эту тему. Сейчас русские добились каких-то успехов, и люди из Гаэты собираются выкрасть эти наработки.

– Ну зачем, зачем тебе надо было все это выяснять? – с досадой прошептал тот, кого Глафира назвала Учителем.

– А я вам скажу зачем, – заскрипел Правый, – Эта... Этот... агент снюхался с русским КГБ и теперь работает на них! И для них все выведывает! А нам здесь смазливенькими глазками моргает!

– Нужны доказательства, – произнес Учитель.

– Нужны доказательства? Пожалуйста! Пусть введут свидетелей! – распорядился Правый.

Опять открылась потайная дверь, и в зал заседаний Совета Десяти втолкнули семью русских туристов: десятилетнего мальчика Петю, взлохмаченного и перепуганного, его отца – растерянного толстяка лет сорока пяти и тонконогую Мариночку – его новую пассию. Все они понимали, что попали в какую-то неприятную историю, но как быть и что делать, не знали.

– Я требую российского консула! – не очень уверенно проговорил отец гиперактивного мальчика. – Нас похитили, на нас надели маски и повезли куда-то! А потом держали в каком-то

страшном каземате, где можно находиться, лишь согнувшись, и мочиться под себя! Вы понимаете, что творите? Вы кто такие? Вы что, с ума сошли здесь все? – На этих словах один из членов Совета Десяти (это был тот самый, Правый, со скрипучим голосом) поднял руку и сказал на хорошем русском:

– Сделай два шага вперед, о негодующий!

Если бы мужчина знал, что ночь сегодня он провел в камере, в которой когда-то томился Джордано Бруно, ожидая страшного приговора от тех, кто не умеет миловать, если бы он мог хотя бы предположить, в какой зал его только что привели, возможно, он вел бы себя осторожнее. В этом зале уже много веков ломали человеческие судьбы одним взмахом руки, одним щелчком пальца, одним взглядом.

В этот раз нужно было взмахнуть рукой. Стоило Правому это сделать, а одному из монахов нажать, повинувшись этому взмаху руки, на потайной рычаг в стене, когда Петин отец оказался на одном из секретных квадратов пола, как плиты раздвинулись, и несчастный, не успев даже крикнуть, полетел куда-то вниз, в открывшуюся черную квадратную пасть. Но вопль, который он издал спустя несколько секунд, был так страшен, что на секунду застыли все присутствовавшие в зале. Это было невероятное завывание обреченного животного, полное нечеловеческой боли и отчаяния.

Монахи начали крутить большое колесо, выступающее из стены, и скоро на месте черного отверстия в полу появилась небольшая площадка, вся утыканная острыми кольями. На кольях этих корчился от боли распятый, как бабочка в школьном гербарии, несчастный Петин отец. Ни один из упавших за последние семьсот лет в этот люк уже живым никогда не оставался: колья были расставлены со знанием дела. Вот и российский турист был нанизан на колья практически без шанса на спасение. Четыре мощных кола пронзили в разных местах его туловище, а еще два насквозь проткнули правую ногу и левую руку. Удивительно, но голова осталась цела, чудом втиснувшись между тремя другими кольями. Петин отец судорожно хрипел, лоя ртом воздух, и при каждой попытке пошевелиться колья, на которые он был нанизан, покрывала новая волна крови.

Глафира попробовала пошевелить руками, потом ногами. Тщетно. Веревка сдавливала тело так, что даже мысль о том, чтобы ее каким-нибудь хитрым способом развязать или ослабить, была совершенно невозможна. Но лучшая из Хранителей всегда помнила о том, что в любой ситуации есть выход. И Глафира его судорожно искала.

Спутница мучительно умирающего мужчины бросилась на колени перед Советом и завывала:

– Пожалуйста, отпустите меня! Ну, пожалуйста!!! Что хотите для вас сделаю! Ну, пожалуйста!!! – прижала руки к груди и зашлась нервным кашлем.

Глафира внимательно осмотрела потолок. Дворец дождей был уникален еще и тем, что страшные камеры для смертников находились не в подвалах, как можно было бы предположить, а под крышей, в узком пространстве над потолком. Самая страшная в мире темница находилась прямо над прекрасными картинами Тинторетто, которыми был украшен потолок. Сверху вниз на собравшихся взирали герои Венецианской республики былых времен. Вельможи, входившие в Совет Десяти, хорошо знали, кто прямо сейчас страдает и молит Бога о пощаде, закованный в кандалы в каменных мешках под крышей прекрасного Дворца дождей за этими самыми картинами Тинторетто и прямо над головой богатых горожан, собравшихся в зале Большого Совета на званый пир. Очень внимательно Глафира оглядывала потолок, стараясь найти хоть какую-то надежду на спасение. Любой человек, не имеющий такой подготовки, как она, конечно, давно бы бросил это занятие. Но Глафира знала: выход есть всегда. И не отчаивалась, хотя дело принимало явно дурной оборот.

– Скажи, женщина, – спокойно, как будто ничего только что не произошло, обратился к очередной жертве Председатель. – Что ты знаешь о происшедшем в Гаэте с участием этого человека? – И указал на привязанную к стулу Глафиру.

– Я все расскажу, я расскажу, – запричитала перепуганная Мариночка. Петька в это время закрывал ладошками уши и, не мигая, смотрел на умирающего отца, распятого на кольях. – Вот этот ребенок видел ее, она была на мотоцикле. Она увезла оттуда человека. Человека с бородкой. Она разговаривала с ним. По-русски разговаривала.

Председатель заинтересованно перевел взгляд на связанную пленницу и спросил убийственно спокойным голосом:

– О чем же они говорили?

– Я не знаю, – всхлипнула Мариночка. Глафира молчала.

Где-то сзади раздался характерный щелчок бича. Платице Мариночки косо треснуло и обнажило кровавый красный рубец на спине.

– А-а-а-а! Я честно не знаю! – закричала девушка, и уже было непонятно, кричит она от боли или от смертельного испуга. – Этот гаденыш нам рассказал только о том, что происходило, я не знаю, о чем шел разговор!

Бич щелкнул еще раз. Теперь стало понятно, что с ним так ловко управляется один из тех монахов, которые вносили в зал зеркало для Глафиры. Следом за щелчком бича опять раздался истошный вопль Мариночки, на ее спине показался второй кровавый рубец, проступивший сквозь еще один разрыв платья. Мариночка упала на пол и начала рвать на себе волосы. Ребенок продолжал смотреть на умирающего отца широко открытыми от ужаса глазами, но никак не мог закричать – крик застрял где-то в горле. Мужчина на кольях дернулся в последний раз и затих.

И тут Глафира все осознала. Выход есть! Конечно, Совет Десяти никогда не славился мягкотелостью и особой добротой к своим пленникам. Но, чтобы вот так, с ходу, умертвить одного из свидетелей, даже не выслушав его, а второго начать бичевать, ничего толком не узнав, явно разыгрывая какой-то спектакль именно для нее... Что-то здесь было не так. И теперь стало понятно что. Глафира подняла голову, решительно посмотрела в темные глазницы председательской маски и сказала спокойно, громко, отчетливо и даже насмешливо:

– Не забудь посолить мясо!

И разом открыла глаза. Она лежала в постели, на шелковой простыне невероятной белизны. Неподалеку сопел умаявшийся за день, вихрастый Алексей, чудный рыжий мальчик. Она не только спасла его сегодня в парке Горького, она его искала, она хотела его, она его получила. Алексей во сне прерывисто и тяжело дышал, раскинув худые длинные руки в разные стороны. На левой руке чернел пластмассовый браслет с крупным экраном. На экране, стремительно убывая, мелькали цифры, торопливо отсчитывающие время начала апокалипсиса.

Глафира гибко, как кошка, высвободилась из-под руки Алексея, мельком взглянув на бегущие цифры. Осторожно встала, подошла к окну и отодвинула тяжелую штору. Взяла с подоконника сигареты, чиркнула зажигалкой и закурила, смотря в окно, абсолютно голая, уверенная в себе и как будто высеченная из мрамора.

За окном светили в ночном сумраке ярким светом красные кремлевские звезды и витрины ГУМа, лениво двигалась по Большому Москворецкому мосту поливальная машина, проезжая как раз то место, где когда-то застрелили Немцова, замерли в недоуменном молчании краны большой стройки на месте снесенной гостиницы «Россия». Набережные были абсолютно пусты. Никому не было дела до маленькой девичьей фигурки, едва различимо белевшей в окне седьмого этажа фешенебельного отеля «Балчуг». Москва спала.

Это был сон.

Глава IX. Эо

Миша Рудик рано лишился матери. Было ему в ту пору одиннадцать лет. Любила ли она его, Рудик не знал. Наверное, любила. Но какое-то смутное чувство недолюбленности присутствовало в маленьком Мише всегда. Мальчик вырос, но все равно оставался маленьким и недолюбленным. Отец умер гораздо позже, когда Рудик уже учился в военном училище, но времени мальчику уделял не много, так что тот привык быть самостоятельным и решать возникающие проблемы, не прибегая к помощи взрослых.

Правда, иногда решить никак не получалось – ну не мог он драться на равных ни с кем из сверстников, а те, как назло, вступив в подростковую стадию самоутверждения, так и норовили помахать кулаками. Рудик всегда был потенциальной жертвой – маленький, лопухий, молчаливый. Он не спорил против самого процесса – пускай, но ему не нравилось, когда кулаками размахивали в опасной близости от его лица, да и самоутверждение товарищей тоже происходило, образно говоря, за его счет. А учитывая, что он не только не удался внешне, но и не вышел ростом, у него, в совокупности с время от времени достающимися побоями, развился жуткий комплекс неполноценности. Одно время он даже с тоской подумывал о том, чтобы оборвать все это самым радикальным способом, сиганув с балкона квартиры на четырнадцатом этаже.

Тогда-то и стали появляться сны. Нет, конечно, сны были и раньше. Просто начались именно эти сны. Сны, в которых к нему стала приходить Эо.

Почему он решил, что Эо – существо женского рода, Рудик не помнил. Ведь эту Эо он никогда не видел. Но он чувствовал ее присутствие, ее дыхание, ее заботу, и ему было очень приятно от одной мысли, что Эо находится где-то рядом. Но как она выглядит, Рудик не знал.

Однажды во сне он почему-то решил, что Эо – это его мама. Она окутывала его теплом и заботой, любовью и нежностью. «Ты – самый храбрый, самый умный, самый сильный, самый лучший и самый любимый». У маленького Миши во сне выросли крылья, и неказистый подросток становился сказочным рыцарем.

Проснувшись, он сознавал, что все это сон, но стал все чаще ловить себя на мысли о необходимости изменить себя и как-то протянуть волшебную нить любви, идущую из собственного сна, чтобы оправдать ожидания ласковой Эо. Ведь когда в тебя так верят, не оправдать эту веру уже невозможно. Тогда и впрямь остается сигануть с четырнадцатого этажа.

Рудик самостоятельно нашел подростковую секцию карате и ухитрился в нее записаться, хотя на его глазах туда отказались принимать куда более сильных и старших ребят. Он очень старался, и тренер стал хвалить этого неказистого, но очень упорного мальчика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.